

СИБИРСКИЙ

ФОРУМ

2017 | ноябрь

интеллектуальный
диалог

На фото: инсталляция на КРЯКК проекта Дмитрия Цветкова «Периодическая таблица выражений», или Элементы читающие и не читающие

ЦИТАТЫ ОСЕНИ

Мы встречаем людей, и эти встречи «делают» наш день, задают настроение на неделю, окрашивают период, как времена года, а то и вовсе меняют жизнь. Люди могут свалиться на голову неожиданно, а могут быть рядом, но просто раскрыть их, как книгу, не получается. А когда раскроешь — зачитаешься...

Василий Зиновьев

ИСТОРИК НЕ ДОЛЖЕН НРАВИТЬСЯ

Отцу было семь лет, когда их ссылали. Он загнал гусят в кузницу и закрыл, чтобы они не разбежались. И всю жизнь он вспоминал этих гусят: что же с ними стало? Над этим можно смеяться, но мне хочется плакать. Власть уничтожала крестьян как людей.

4

Борис Эльконин

ЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТ ШКОЛА

Современный младший школьник быстрее заканчивает с дисциплинарностью и переходит в пробно-поисковый режим. Это первое. Второе: приходя в школу, он в большей степени не готов к принятию дисциплины. И третье: с 80-х годов мы имеем заметный рост того, что называется «минимальные мозговые дисфункции».

8

Александр Кабанов

СНЯТЬСЯ С МЕСТА НЕ ГОТОВЫ

Российские университеты остаются достаточно сильными в классических областях. Если говорить о рейтинге американских университетов, то если нет сильной биомедицины и инженерии, это считается слабостью.

18

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

По версии американского веб-сайта о компьютерной технике, гаджетах и стиле жизни The Verge, Лев Манович входит в список «50 наиболее интересных людей, создающих будущее»

Миллиард фотографов создают культуру

У ведущего в мире теоретика новых медиа профессора Городского университета Нью-Йорка Льва МАНОВИЧА свыше 16 тысяч цитирований в международных изданиях! В сентябре он приезжал в Красноярск — специально для участия в международной научно-практической конференции «Информационные технологии в гуманитарных науках», проходившей в СФУ. Десять лет назад исследователь начал создавать новую область науки — «Культурная аналитика» для использования компьютеров и визуализации информации в исследовании культурных трендов.

Профессор любит повторять, что сделал свою карьеру через Интернет. Влиятельный учёный работает не только и не столько с инструментами, которые двигают науку, но и с идеями. Основатель лаборатории Software Studies Initiative рассказал красноярцам об использовании IT-технологий для культурологического анализа, о своих предложениях для возможных программных решений в данной среде; об исследовании 15 миллионов изображений социальной сети Инстаграм. Перед отъездом гость дал эксклюзивное интервью нашей газете.

«В 18 лет я прочёл ЛОТМАНА и задумался: почему какой-то художник в наши дни в России придумывает то же самое, что, скажем, Джозеф КОШУТ в Нью-Йорке? Это жутко интересно! Цифровые технологии дают замечательную возможность по-новому изучать культуру», — говорит Лев Манович.

— Половина сотрудников моей лаборатории — это я сам! — шутит учёный. — Прибавьте к этому нескольких волонтеров и двух аспирантов, работу которых я оплачиваю. Одна девушка — она из Риги — занимается историей искусств, а юноша из Аргентины взял на себя экономику. По образованию я художник, поэтому знаю, как делать большие проекты, исходя из минимального бюджета. Поскольку мы сами программируем, создаём веб-сайты, то можем сделать проект, на который бы академики потратили миллиарды рублей. Чаще всего люди нам помогают бесплатно, потому что им интересно то, что мы делаем.

— Почему в своё время вы стали исследовать медиа? Могли ведь и музейные объекты изучать, да всё что угодно...

— У меня художественное образование (Л. Манович изучал искусство и архитектуру в Москве, — прим. автора), и я восемь лет работал в компании по компьютерной мультипликации. Потом карьера сложилась таким образом, что в начале 90-х годов небольшой группой мы делали программное обеспечение для текстовых редакторов. Мне приходилось часто ездить на конференции и биеннале, писать аналитические статьи про гуманитарные цифровые науки, мультимедиа, веб-сайты.

И вдруг я понял, что всё это создаётся в таких невероятных количествах, что уже невозможно объять необъятное, и у меня возник вопрос-идея: можно ли создать какие-то компьютерные инструменты, которые позволяли бы смотреть на веб-сайты, создаваемые по всему миру, и находить какие-то закономерности, подобно тому как биолог изучает планету, эволюцию.

Сегодняшняя моя работа — это некое продолжение того, чем занимаюсь уже в течение 20 лет: теория и история медиа. Добавились только современные компьютерные формы — веб-сайты, игры, интерфейсы, а сейчас вот Instagram. Раньше, когда я делал исторические проекты, это было для меня уже как бы вторичным, потому что про историю мы знаем, а вот что происходит ВКонтакте, где миллион человек, — пока загадка. Для меня главное — не предложить интерпретацию того, что уже известно, а посмотреть на то, что

ранее никем не изучалось. И, кажется, это у нас неплохо получается... В прошлом году я написал целую книжку — это первое издание про Инстаграм. Там собраны Москва и Санкт-Петербург, надеюсь, в следующем году там будет и Красноярск.

— В своей лекции вы упомянули, что Россия — пионер в цифровых гуманитарных науках...

— В России было поколение учёных, которые предложили формализованные модели культурного анализа, — это Михаил БАХТИН, Андрей БЕЛЫЙ, Виктор ШКЛОВСКИЙ и т.д. Именно они вдохновили меня на исследования в данном направлении.

— Какие проекты у вас сейчас в работе?

— Мы постоянно в поиске и периодически делаем какой-то большой проект, бэкграунд. Например, изучили 270 млн изображений в Твиттере с 2011 по 2013 год. Весной моя команда работала с цифровыми копиями номера журнала «Советское фото». Я сказал ребятам в лаборатории — давайте скачаем! И скачали, но выяснилось, что это, конечно, не всё. Несколько месяцев мы их чистили, и я продолжу эту работу по возвращении в Нью-Йорк. Как художник возвращается к каким-то нарративам, так и я постоянно возвращаюсь к социальным сетям даже десятилетней давности. Признаюсь: мне было бы очень интересно сделать проект с данными, связанными с русской историей и русским настоящим, поэтому я приехал сюда в надежде найти такие темы. У нас уже есть база — Инстаграм Петербурга, например.

— В начале 2000-х эксперты уже предполагали, что соцсети будут влиять на нашу жизнь,

Газета «СИБИРСКИЙ ФОРУМ. Интеллектуальный диалог», № 7 (61) от 20 ноября 2017 г.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю 30 ноября 2009 г. Регистрационный номер ПИ № ТУ 24–00157
Адрес редакции, издателя: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, строение 9, каб. 4-21, т. (391) 206-53-35, e-mail: newspaper@sfu-kras.ru
Главный редактор: В.М. Ефанова // Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
При использовании материалов газеты ссылка на издание обязательна // Распространяется бесплатно.

// Отпечатано в ООО «Флекспринт»
// г. Красноярск, Калинина, 106 г
// Подписано в печать 14.11.2017 г.
по графику — 20.00, фактически — 20.00
// Заказ № 40549/ Тираж 5000 экз. //

на общественное мнение даже больше, чем традиционные СМИ. Теперь мы видим — действительно, так и есть. А чего ждать дальше?

— Мы уже носим с собой компьютер-телефон — и всё больше и теснее происходит наше с ним взаимодействие. В какой-то момент что-то произойдёт с телефоном как с объектом — может быть, он будет гибким, с раздвижным экраном и большим разрешением, проекцией. Но это не самое кардинальное. Самое, наверное, для нас важное — понять, каким образом информация или данные производятся, как их люди получают и как ими управляют. Сейчас понятно одно: парадигма действий в Фейсбуке, ВКонтакте и в других сетях, в принципе, не меняется уже лет 10. Вопрос в том, будут ли появляться какие-то новые типы сетей. Мне кажется, что в следующее десятилетие мы будем наблюдать синтез, интеграцию всего того, что уже есть, но сейчас это по каким-то причинам разделено.

Приведу пример из жизни. Моя мама не так давно три месяца провела в госпиталях Нью-Йорка. Это был очень интересный урок с точки зрения передачи данных, информации. Там медсёстры тратили уйму рабочего времени: каждые полчаса отходили от пациентки, смотрели на счётчики, а потом вручную вводили все данные в компьютер — это полный бред! А если сделать так: вы лежите в палате или гуляете вокруг госпиталя, а информация со всех приборов приходит на ваш телефон? Или почему бы мне на телефон не поставить маленькую, за 10 долларов камеру, чтобы наблюдать за больным родственником онлайн?

Идея в том, что есть различные технологии, но искусственно они разделены. Поэтому можно сказать, что следующая революция — это не обязательно новые фейсбуки и новые спутники, а соединённые друг с другом существующие средства информации; сейчас они смыкаются лишь в некоторых местах. Вот аналогия: есть в Красноярске мост через Енисей, а следующий мост — только через 50 км. А почему бы не сделать какой-нибудь наномост через каждые 10 километров, через километр? Такой синтез — вот что пришло мне в голову; вы меня вдохновили!..

— Ваша работа по большому анализу визуальных данных — что это? Попытка сшивки, вытаскивание смыслов?

— Приведу такой пример: вы покупаете книжку по истории искусств — например, по искусству XX века. Там представлено 100, 200 имён, может быть, 400. Но там нет каких-нибудь художников из Красноярска, которые могут быть не менее интересны, чем художники в Нью-Йорке, просто про них никто не писал. И одна из моих мотиваций — сделать такую расширенную историю и современности, и прошлого, чтобы было не 10, не 100 авторов, а, по крайней мере, 10 миллионов.

Но для того чтобы это сделать, надо основательно поработать. Допустим, есть специальная сеть «Behance» для художников, дизайнеров, фотографов, где они размещают своё портфолио. Один студент Гарварда скачал оттуда полмиллиона произведений и даже сделал статистику — сколько там представлено аккаунтов из Америки. На основе собранных данных он опубликовал статью, но в ней ничего не сказано о том, какие у пользователей стили, цвета, идеи, хэштэги.

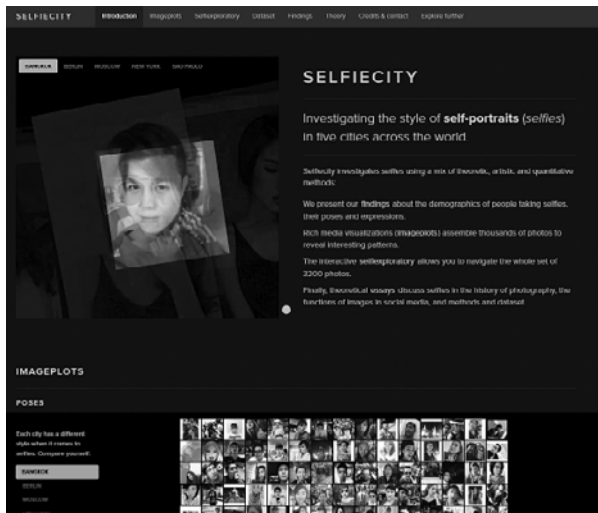
Если мы хотим писать историю искусств на материале современности, то — у меня несколько наивная идея — давайте будем брать разные стороны современной визуальной культуры: комиксы, телевидение, веб-дизайн, арт-биеннале. Можно автоматически описать какие-то элемен-

ты содержания, формы, стиля и как это меняется, перемещается и т.д. Такой работой занимаюсь уже 10 лет, и это в тысячу раз сложнее, чем я думал в самом начале. Труднее хотя бы потому, что элементарно мне не хватает помощников.

— Профессор, какие вещи исследователи начинают видеть благодаря технологиям, чего не видели раньше?

— Гуманитарные науки используют национальные языки для описания культуры, которая состоит из многих компонентов: цвет, эмоция, расстояние, движение и т.д. Мы можем сравнивать, описывать палитру художника не как серенькое-красненькое, а гораздо более точно. Тот факт, что используют язык как дискретную (прерывистую) систему, чтобы описывать непрерывную систему — это немного странно. И когда семиотика в 60-е годы пытается описывать культуру — мне кажется, не очень получается именно потому, что учёные используют национальные языки.

И вот у нас появляется возможность использовать числа — непрерывность, графики, это открывает большие перспективы! Теперь можно описывать исторический процесс, как какие-то непрерывные изменения. Описывать разницу между тем, как люди одеты, какие у них Инстаграммы, использовать сотни каких-то измерений пространства и шкалы, на которых можно разли-

Selfiecity — один из самых известных проектов, осуществлённых с участием Л. Мановича: интерактивная инфографика о различиях и особенностях селфи в Москве, Нью-Йорке, Берлине, Сан-Паулу и Бангкоке.

чать тысячи и миллионы оттенков. Мы же с вами различаем всё это, а наши метаязыки для изучения культуры пока этого не делали.

— Какие возможности для изучения истории дают технологии оцифровки?

— Это зависит от вашего воображения. Можете использовать, например, количественный метод. Когда люди пытались найти кластеры по стилю одежды, они собрали 100-миллионный Инстаграм и, конечно, нашли. Но то, что нашли — это некий мейнстрим, то есть субкультуры там не были видны. В этом смысле для меня самое главное — это возможность описания не истории на

примере какого-то типичного простого человека, а истории гораздо более подробной.

Вы можете описать Красноярск, взяв все социальные сети, аккаунты — это тоже выборка и некая история. В свой нынешний приезд я побывал в Красноярском краеведческом музее, и мне показали шкаф, где хранятся документы отдельных людей — это жутко меня поразило; выходит, мы вообще отказываемся от какого-то обобщения? А противопоставьте этому Фейсбук, где представлены все люди, живущие в Красноярске. Или есть интересный русский ресурс «1917. Свободная история» о событиях, произошедших сто лет назад и описанных самими участниками (*представлены дневники, письма, воспоминания, газеты и другие документы, — прим. автора*). Для меня это самый интересный гуманитарный проект! Сделан он не учёными из университетской среды, а творческими людьми, и это интересное предложение — некий альтернативный интерфейс к истории. Конечно, мы знаем, кто такой ЛЕНИН и кто такой ПИКАССО, но художники, мне кажется, иногда предлагают альтернативные модели, подсказывающие, как собрать историю.

— Вы ведь изучали экспериментальную психологию и понимаете, что в социальных сетях люди ведут себя не совсем так, как в реальности. Тогда о какой объективности исследований может идти речь?

— Но в реальной жизни люди тоже ведут себя не так, как нам кажется на первый взгляд. Это всё представление, перфоманс. И тут два варианта: во-первых, вы можете изучать социальные сети просто как вещь в себе, а во-вторых — как некое окно в реальность. Если второе, то вопрос: можно ли предложить какие-то количественные методы или алгоритмы, которые позволили бы сделать выводы о том, что на самом деле происходит в Красноярске, если, допустим, мы в Инстаграме видим, как девушки фотографируются на фоне журнала мод? Было бы интересно и на эту тему сделать исследование...

— На лекции вы сказали, что уже 10 лет занимаетесь культурой, и наступило некоторое разочарование. Разочарование от того, что культура неуловима, что её «ценность», «отличие» — это, может быть, 1% изображения?

— Я не случайно дополнительно обучался экспериментальной психологии в Нью-Йоркском университете. Мне тогда казалось, что эти знания нам очень помогут в исследованиях, но теперь понимаю, что, кажется, ещё десятилетия надо ждать, потому что мы до сих пор не знаем, как сети соединяются в мозгу. И чем больше компьютер приближается к моменту, когда он очень хорошо описывает культуру, тем отчётливее я понимаю важность всего того, что он НЕ ВИДИТ.

Это не значит, что новые методы не надо использовать, надо. Просто они дают нам всего лишь первую грубую картину. Представьте себе: спутник снимает какую-то планету, а потом выясняется, что он не видит обратную её сторону. И главная идея — не заменить компьютером человеческое познание, глаза, мозг, а просто дать инструменты гуманитариям, работникам музеев, преподавателям по дизайну, чтобы они сами могли видеть интересные вещи, которые мы пока даже не знаем, как описывать. То есть представить всю культуру перед ними как некую карту современности.

— У вас был проект «Селфи-сити», где вы сделали выборку селфи из 5 городов, обработали на компьютере и по ним анализировали: кто больше делает селфи — мужчины или женщины; где больше улыбаются и др. Одним из этих городов была Москва. Это случайно или интерес к исторической родине постоянный?

— Интерес не случайный. Меня всё больше интересует, что происходит в России. Я вообще никогда не представлял, что приеду в Красноярск и буду здесь выступать, потому что мы эмигрировали в 1981 году, когда все думали, что коммунизм ещё будет... Здесь прекрасные люди — я бы поставил здесь такой хэштег, как #духовность, #теплота. Красноярцы хорошо знают историю, очень любопытны, открыты. Я получил огромное удовольствие от общения с вашими земляками и хотел бы делать какие-то исторические проекты на материале вашего города. Сотрудничаю со всеми заинтересованными людьми, даже со школьниками, и считаю, что не обязательно получать гранты, если есть интересные идеи. Давайте дружить через все сети! Я здесь не в последний раз, намереваюсь ещё приехать в Красноярск и посетить ряд музеев.

Цитаты Льва Мановича

- Социальные сети придумали, как всё современное, в Азии.
- Людям до 25 лет я всегда отвечаю. Остальным — выборочно.
- Если есть интересные данные — вопросы можно придумать.
- Есть ощущение, что Инстаграм забрался в ваш мозг и знает о вас больше, чем вы сами.
- Теперь культура, как атомы во Вселенной. Ежедневно создаются миллиарды культурных артефактов.
- Алгоритм Инстаграма — это самый крутой социолог или теоретик культуры, существовавший когда-либо, потому что у него есть доступ к фото и поведению в сети 800 миллионов людей.
- Инстаграм стал механизмом производства социальных связей и субкультур; раньше эту функцию выполняла музыка.
- Сейчас у каждого гаджет, в мире миллиард фотографов, и они производят культуру.
- Гуманитарные науки должны не комментировать, а помочь увидеть мир.
- До меня никто за это не брался, так что мне это очень интересно.
- Меня всегда спрашивают «So what?». Значит, людей что-то разочаровывает. А я в экстазе.

Текст _ Валентина ЕФАНОВА

«Памятникам Ленину пора почистить ботинки»

«Меня мать научила никогда не халтурить, — признаётся доктор исторических наук из Томска В.П. ЗИНОВЬЕВ. — Если взялся за дело — не халтурь». Его называют ведущим специалистом по предреволюционному периоду в Сибири. Индекс Хирша — 29. Редактирует два журнала, входящих в базу Web of Science. Мы беседуем с Василием Павловичем после его доклада на Сибирском историческом форуме.

— Вы говорили о революции как русском варианте развития индустриального общества, и видно было: тема вас задевает за живое. А может историк быть объективным?

— Буду говорить просто. Я историк Отечества. Отечество для меня — Россия. Вот с точки зрения пользы для России я и рассматриваю исторические процессы. Это, конечно, не объективно. Но другие будут рассматривать с англосаксонской точки зрения, с китайской, японской или ещё какой-то.

— С вами либералы поспорят: они тоже за интересы страны, только по-другому понятие...

— У нашей либеральной интеллигенции, я считаю, вовсе не либеральный, а англосаксонский взгляд на развитие мира. Он не совпадает с интересами страны. Там много хороших людей, но они упёртые. Как когда-то мы верили в коммунистическую идею, так они верят в англосаксонскую. Но она нам не подходит, потому что ставит Россию в уголок, за кадкой мы должны находиться, а англосаксы будут в центре. Я против этого. Мы имеем полное право идти центральной дорогой с гордо поднятой головой. И идти собственным путём — о нём я говорил в докладе.

У нас не частно-капиталистический путь, мы не поспеем этим путём за остальными, конкурентоспособность потеряем. Наш путь государственно-регулируемый, которым, кстати, сейчас весь мир догоняют китайцы. Но отцы этого пути — не китайцы, а товарищ ЛЕНИН, его новая экономическая политика. Он же умный был человек, всем его памятникам надо сейчас опять ботинки почистить. Он на свои памятники заработал, потому что идея его была верная. Другое дело, что не получилось, как он хотел. Опять же в силу международной конкуренции. А грубо говоря, потому что нам все войну объявили. Сейчас тоже санкции. Но эти санкции — слабое эхо того, что было в 20-30-е годы. Мы вообще были в изоляции — и живите, как хотите, а лучше сдохните.

— В XX веке попыток уничтожить Россию было много, и они дорого нам обошлись...

— Да, каждый кризис уносил 10–15% населения. Причём и в 90-е годы мы столько же потеряли: работоспособные мужики умирали от бессилия, от невозможности прокормить свои семьи.

— У вас и жена по образованию историк. В семье бывают споры на исторические и политические темы?

— В 90-е споры были, но быстро прекратились. Я сразу сказал своим братьям, которые работали в разных НИИ и из них ушли, чтобы заработать себе на жизнь: когда-то в этой стране будет порядок. Не скоро, не завтра, но вы вернётесь в свои НИИ, а я буду считать, что начинается нормализация жизни. И они вернулись — один разработчик, другой конструктор.

Историк — циничный человек, он должен думать. Чувства здесь мешают. Вот как анализировать сталинское время, если всё время плакать?

— У вас ведь были репрессированные в родне... Кстати, до какого колена вы знаете историю своей семьи?

— Я знаю своих с начала XVIII века. Хорошо, документы сохранились, а я как историк знаю, где их найти. Томск располагает интереснейшими документами, которые фиксировали почти всё население. Это подворная перепись 1900 года. Там все мои прапрадеды. Но поскольку они — переселенцы из Воронежской, Курской, Вятской губерний, за восстановлением ещё более ранних сведений надо ехать в европейскую часть страны. Там сложно — многие архивы во время войны сгорели. Хотя вполне возможно, что где-то всплывут. Немцы ведь не жгли архивы, а вывозили, а у немцев уже американцы забирали себе. За океаном много наших документов. А архивы больше чем золото — это информация о прошлом, которая ценится дороже всего.

— Вы думаете, кому-то нужны сведения о русских крестьянах до революции?

— Конечно. Когда в 90-е наши деятели из Государственной думы начали возвращать архивы европейцам, я чуть не криком кричал: что вы делаете, нельзя отдавать! А у нас были архивы Румынии, Венгрии, Франции. Мы хотели сделать такой жест доброй воли, в семью народов европейских войти с подарком по русскому обычаю. Ну не бутылку же водки дарить. А архив — вот это подарок! Но встретили полное непонимание, либерального интернационала не вышло. Нам-то никто ничего не вернул.

— Вы родом из Нарыма. Туда были сосланы ваши родители?

— Скорее деды. Весь куст — и с материнной стороны, и с отцовской из раскулаченных. Большинство выжило, потому что нас хоть на Камчатку пошли — выживем.

Хорошо помню рассказ матери о том, как их раскулачивали. Она с Алтая. Приехал туда представитель из города искать кулаков. Деревня большая, три тысячи человек, и все Вяткины. А

мой дед Илларион Куприянович был красным партизаном, Георгиевский кавалер, мужик заметный. Пришли к нему, чтоб помог раскулачивать. Но где красный партизан Вяткин найдёт кулаков среди Вяткиных в деревне Вяткино? Не нашли. И вот сидят они вечером, обмывают итоги операции. А уполномоченный, мать рассказывала, по два пельменя на вилку поддевает, когда закусывает. И достаёт он портсигар, щёлкает по нему гордо: золотой! А дед не сдержанный на язык, возьми и скажи: ишь ты, да вся наша деревня этого портсигара не стоит... На следующее утро кулаки нашли — мой дед Илларион, его брат дед Федот и сестра бабка Евдокия. Их раскулачили, отобрали всё добро и отправили до конца зимы жить на хутор, где они провели зиму — три семьи в одной хатке. А весной 1930 года посадили на паром и отправили в Нарымский край. А деда — на Беломорканал.

По отцу сослали даже не моего деда, а прадеда Василия Николаевича и всех его женатых сыновей. Отцу тогда было лет семь. Его задача была пасти гусей. И он вспоминает: когда их ссылали, он загнал гусей в кузницу и закрыл, чтобы они не разбежались. И всю жизнь он вспоминал этих гусей: что же с ними стало? Над этим можно смеяться, но мне хочется плакать. Власть уничтожала крестьян как людей.

А вот когда надо было спасти страну, этих людей, которых государство уже обидело, отправляли на фронт. У нас семь человек ушли, вернулись двое. Причём наград им не полагалось. У моей жены родственники орденами обвешаны, а мои — ни одного. Из бывших кулаков не награждали. Погибнуть — да, такую возможность им давали. А награды — нет. Это была дискриминация.

Мой отец — инвалид войны. Он чуть не погиб в битве под Прохоровкой, всего один раз в атаку сходил. Его везли на фронт через родное село Горшечное, и он говорил: «Я ехал через родину — она горела».

— И всё-таки советский период и его начало — революцию вы оцениваете скорее положительно...

— Моё личное отношение к революции: лучше бы без неё. Но не получается. Революция — это всегда встреча эгоизма имущих и нетерпения неимущих. А с научной точки зрения — это издержки процесса модернизации. Модернизация происходит в культурной, экономической, социальной, политической сферах — везде. И когда она идёт везде параллельно, никаких революций нет. Но когда какой-то процесс задерживается — а чаще всего это политический процесс, потому что с властью никто расставаться не хочет, — тогда снизу подталкивают. Остальным-то надо дальше развиваться.

Когда мы совершали революцию в России, у нас 20% было в городах, а 80% — в деревне. Через несколько десятилетий в городах осталось 70%, а на селе — 30%, причём из них только 12% работали на земле. Если раньше 10 человек кормили одного, то теперь один кормит сто. И для того чтобы это сделать, нужно было убрать тех, кто этому мешает. Их и убрали. Для этого нужны гигантские усилия, а остальное дело техники, и техники кровавой.

Реально же традиционный мир рухнул не в 1917-м, а в 1929-м. Семнадцатый — это смута, а смут было много на Руси. А настоящая революция, слом традиционной эпохи произошёл в коллективизацию, Великий перелом.

Революция всегда объективный процесс. И делают её, как правило, страны, которые серьёзно влияют на всю мировую систему: Россия, Германия, Франция, Китай. Америка. Гражданская война в США — это тоже революция, и не менее кровавая, чем наша.

И поскольку они на весь мир влияют, происходят подвиги в других странах. Нам говорят: надо, как японцы, там не было революции. Но чтобы её не было в Японии, она должна была произойти в Китае. А чтобы Швеция жила благополучно, нужно, чтобы кровь пролили немцы, русские, англичане, французы. А нам говорят: развивались бы, как шведы. Но мы не шведы. А шведы не влияют на развитие мира. Потому что мы всех работоспособных шведских мужчин положили под Полтавой, и Швеция перестала быть мировой державой. Мы заняли её место, но и ответственность на себя взяли.

— В своём докладе вы уменьшили цифру потерь в Великой Отечественной войне; сейчас принято говорить о 27 миллионах погибших, вы утверждаете — 16 миллионов. А потери из-за репрессий тоже преувеличены?

— Ужасно преувеличены. Я сам из семьи репрессированных и недавно посчитал: больше сотни моих родственников были репрессированы, если учитывать ссылку. Это большие цифры. Но всё же я утверждаю, что цифры репрессий преувеличены. Я просто работал в фонде ГУЛАГа, 9414 — фонд госархива РФ. Хотите подсчитать — идите, комнатка отдельная. Но я что-то не видел там много историков. А цифры, которые там можно обнаружить, совершенно не совпадают с теми потерями от репрессий, которые фигурируют в прессе. Они в десятки раз ниже.

Тогда каждые 10 дней шли доклады о состоянии лагерей, и все потери сосчитаны. Может быть сфальсифицирована причина смерти, но не сама смерть. Сказки и то, что власть была заинтересована в уничтожении лагерников — нет, они же работали.

— Ну как же не заинтересована, если создавались чудовищные условия содержания, ужасное питание, невыносимый труд...

— Такие случаи были везде, в том числе в городах, особенно во время войны. Самая страшная — зима 1941 года. Неурожай плюс чрезвычайное положение. Тогда в лагерях много умерло от голода, но не потому что власть морила специально.

Вот я и говорю: давайте анализировать с холодной головой, а не плакать. И тогда мы обнаружим, что власть была не заинтересована, но это происходило. Жестокость охранников была. Но если эта несанкционированная жестокость доходила до высших инстанций, охранник также страдал и переходил в ряды заключённых. Мой дед просидел 10 лет, он это хорошо знает, я рассказы его слушал всё детство.

Примерно 700 тысяч расстреляно по приговору. Это немало. Но у нас господин СОЛЖЕНИЦЫН превратил это в 60 миллионов. Примерно вдвое больше погибло в лагерях от условий содержания. Это полтора миллиона ещё, гигантская цифра. Но знайте только одну вещь: столько, сколько сидело на Сталине, сидит и сейчас. То же — в США. В других странах такого нет, в мире две страны с жёстким авторитарным режимом — Америка и Россия. И это не зависит от того, царская власть, сталинская или либеральная. Мы так устроены — мы людям не верим. У нас оправдательных приговоров почти нет, такая у нас фемида. Не только с завязанными глазами, но и с атрофированной совестью. Кстати, если с чего и начинать перестраивать управление страной, так это с юристов: они правят, они командуют, они диктуют тон отношения к населению.

— Вы изучали рабочее движение. Это всё-таки был объективный процесс или сконструированный — переделка крестьян в рабочих? И чей менталитет — крестьянина или рабочего — больше соответствует национальному характеру?

— У нас думают, что за 10 лет рост рабочего движения произошёл в начале XX века. Но рабочее движение началось не в 1917 году, а в XVII веке. У нас есть единственная в стране хроника — ещё в 1991 году мы опубликовали три тома — по рабочему движению в Сибири. Там посчитали все проявления рабочей активности с XVII века — тысячи забастовок, бунтов, волнений, демонстраций, митингов, листовок... Самые крупные организации среди рабочих были, кстати, монархические.

А что такое разница крестьян и рабочих? Это один народ. Были крестьяне — стали рабочие. Условия труда изменились, условия жизни, но самое последнее, что меняется, это психология и мораль. У нас до сих пор в городах живут крестьяне по психологии и морали, это даже не индустриальное общество. В Европе уже постиндустриальное — пол меняют, с голыми задами ходят, уже не христиане. А мы ещё с христианской моралью. Поэтому у нас пока разногласия с Европой.

— А ещё потому, что нам не верят. Время Сталина, когда государство осуществляло насилие над собственным народом, очень портит нам жизнь до сих пор, в том числе на международном уровне — в нас видят империю зла...

— Сталин — тот случай, когда гений и злодейство совместились, Пушкин не прав был. Но Сталин не абстрактный злодей, который просто хотел делать зло. Он предполагал, что варварскую страну можно преобразовать только варварскими методами. И вся жестокость, весь этот византизм был направлен на то, чтобы построить индустриальный мир вместо крестьянского. И он этого добился. С одной стороны, я проклиная этого человека, по-другому и не могу с учётом истории собственной семьи. Но с другой стороны, в это время страна стала конкурентоспособной. И всё что угодно про него говорите — он победитель.

История любит победителей. Почитайте, что КАРАМЗИН пишет про Ивана Грозного. Он говорит: стоны умолкли, жертвы истлели. А у России осталось три татарских царства. И мы помним, что сделал это именно Иван IV, завоевавший Сибирь. Он сделал страну мировой державой.

— Однако памятник Грозному, который в 2016 году установили в Орле, объявляют чуть ли не позором современной России...

— А я за памятник и Ивану IV, и Ивану III, и ДЗЕРЖИНСКОМУ — эти люди заработали свои памятники, они оставили гигантский след. И Сталин заслуживает памятник по-хорошему... А куда мы без него денемся — часть нашей истории. Да, кровавый, да, тиран, но страну он преобразовал.

— А можно было не индустриализацией, а НЭПом достичь тех же результатов?

— Можно, Ленин так и задумывал. И план сначала был 15-летний, с удвоением количества производимых продуктов к началу войны. Но тем путём, которым пошёл Сталин, мы утроили продукцию в тяжёлой индустрии. Сталин понял, что не всю промышленность надо развивать одинаковыми темпами. Он пожертвовал благополучием населения, но создал армию, сделал её грамотной и вооружил. И мы победили. Самая главная проверка конкурентоспособности — на поле боя. Страна выдержала и экономически, и система мобилизации ресурсов оказалась более способной, чем у всей Европы вместе взятой, которая была многократно богаче.

И мы смогли подготовить солдат. Учителя средних школ выиграли страну, это Жуков говорил. Вот ещё кому памятник надо — учителям. Мы потеряли всё поколение 9-10 классов, которые уходили на войну поголовно. Их осталось 3-4%. Но они победили, пусть и страшной ценой.

— Поговорим о брежневском периоде. Сейчас времена застоя переоценивают: страна развивалась в той же логике, что и остальной мир, не отставала. Разница была только в том, что мы производили меньше товаров народного потребления и не такого качества...

— Безусловно, брежневское время было лучшим, но в нём, так сказать, было заложено худ-

шее. Тот самый случай, когда достигли какой-то вершины, а дальше двигаться не хотели.

Сейчас — тоже. Мы застряли, никуда не движемся. А мир таков, что надо очень быстро бежать, чтобы сохранить своё место. Это гонка на выживание.

— А далеко от нас убежали те, за кем мы вечно гонимся?

— Да недалеко, рядышком. Мы конкурентоспособность не потеряли. Как говорил Николай ВАВИЛОВ: мы можем отстать от наших соседей по условиям жизни, по устроенности быта. Но мы не должны отстать по вооружённости интеллекта.

— Отлично. Чем же нас вооружают историки? Какие исследования последних лет произвели на вас впечатление?

— В Новосибирске работает Александр Христианович ЭЛЕРТ. Всю жизнь он изучает портфели Герхарда Фридриха МИЛЛЕРА, который ещё в XVIII веке участвовал в двух сибирских экспедициях и оставил много материалов. Но на старонемецком языке. Если портфели Миллера будут переведены — это станет великим достижением нашей науки.

— А вы каким исследованием занимаетесь сейчас?

— Хочу завершить работу своей умершей дочери — она изучала межнациональные отношения в Сибири в XIX — начале XX века.

— Также взрывоопасная тема.

— Нормальная тема про межнациональное разделение труда. Это основа мирной жизни и мирного завоевания Сибири.

— Что из ваших исследований вы считаете наиболее значимым?

— Доказательство того, что в процессе хозяйственного освоения Сибири ещё до революции сформировался значительный слой рабочих, слой промышленных собственников и буржуазии. Здесь было раннеиндустриальное состояние.

А основным считаю упомянутую хронику рабочего движения в Сибири с XVII века до 1917 года, которую мы — большой коллектив из 28 авторов — в своё время подготовили. Никто в мире такой подробной хронологии по столь большому региону не сделал. Это достижение мирового уровня. Оно, может быть, не оценено сейчас, но рано или поздно оценят.

— Не говорят ли в вас идеалистические представления? Обществу потребления знать какую-то хронологию не нужно...

— Не надо быть пессимистом. Жизнь показывает — история будет востребована. И историки должны делать своё дело, не пытаясь никому нравиться. Кстати, у молодёжи есть на это спрос. В Томске самый высокий в стране конкурс на историю, после МГУ. Историками хотят быть, хотя бы понять, что со страной стало.

— И каким периодом интересуются?

— Как раз советским. В советское время этот период был самый неинтересный, потому что было понятно, как надо начинать и как кончать исторический труд, победа партии должна быть предсказуемой. Сейчас можно писать, что хочешь, и люди обнаружили: это интересно. Много источников, много возможностей написать стоящую работу.

— Сибирский исторический форум был посвящён 100-летию революции, но всё-таки юбилей прошёл в стране как-то незаметно, вы не считаете?

— Год назад президент ПУТИН рекомендовал: давайте отметим юбилей спокойно. Всё равно что заставил съесть лимон без сахара всю нашу либеральную интеллигенцию. Они корчатся, но едят. Если бы не сказал — грязью бы закидали. Но было сказано чётко: центральная власть смотрит на это неодобрительно. Что и остановило поток возможных танцев на костях.

«Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна». Из ежегодного Послания Владимира Путина к Федеральному Собранию 01.12.2016

Текст _ Валентина ВАРАКСИНА

Участники конкурса
«СМИротворец», прошедшего
в Красноярске в конце октября,
на берегу Енисея

Укушенные миротворчеством

Журналистка печатает статью про «вечного узбека», который с дипломом о высшем образовании мирно варит сыры на хуторе в Псковской области, но уже много лет никак не может получить российского гражданства. Статья доходит до кого-то в Госдуме, фермеру помогают. А ведь ещё несколько лет назад практически все материалы, присланные на первый конкурс по межэтнической журналистике, подпадали под статью «разжигание межнациональной розни». И никаких миротворцев из журналистов не получалось. О том, какие изменения происходят в этой сфере сейчас, наш разговор с Маргаритой ЛЯНГЕ, президентом Гильдии межэтнической журналистики России.

— Маргарита, если бы у вас была способность превращаться, в каких национальных менталитетах вы бы хотели себя почувствовать?

— Ну, допустим, в тюркской группе, финно-угорской, коренных малочисленных народов, кавказских. Такое многообразие у нашей страны! Хотелось бы понять, что они думают. Потому что часто видишь, что есть какие-то обиды, начинаешь разбираться и понимаешь, что эти обиды связаны с тем, что поведение представителей других народов не совсем совпадает с теми клише, которые были заложены у тебя в детстве.

— А чем наши народы отличаются друг от друга?

— Если говорить о северных народах, то у тех, кто тысячелетиями охотился, лучше зрение, более скоординированные движения. Они могут совершенно спокойно лежать в засаде или скроне, дожидаясь добычи, без каких-либо неприятных ощущений. Что любопытно, эти народы могут достаточно долго находиться в замкнутом пространстве; а это важно, допустим, для космических путешествий. Вот, кажется, где охотники, которые долго ждут добычи, и где космические путешествия?..

У человека фантастическая способность приспособливаться. Уже известно, что в седьмом поколении у людей, которые живут в арктической зоне, сильно меняется метаболизм, меняется организм. Выживают те, кто к этому способен. Это очень важно знать сейчас, когда мы идём на арктические шельфы.

У нас такая огромная палитра чисто физиологического приспособления к совершенно разным условиям, что, мне кажется, это тоже наше огромное богатство, наряду с теми же углеводородами.

— Расскажите о своей семье и своих национальных корнях.

— Мама у меня русская, папа — российский немец. По папиной линии были какие-то скандинавские истории. А по маминой линии много всего намешано. Там есть и украинские корни, и сибирские татары.

Моя бабушка между Новосибирском и Омском жила, их село Покровка было в глухой тайге. И у бабушки, я знаю, была очень красивая история. Зажиточный русский крестьянин влюбился в сибирскую татарку. Все были против. И с той и с другой стороны, но их любовь оказалась сильнее. У бабушки были голубые глаза, кудрявые русые волосы, но при этом ярко выраженные скулы. Что

удивительно, при таком типе лица до глубокой старости практически нет морщин. Это характерно для женщин тюркских народов.

— Национальная палитра помогла вам в выборе вашей профессии?

— С профессией всё было достаточно традиционно, потому что родители были журналистами, и я наблюдала это всё с самого детства. Я родилась у них на втором курсе журфака, родители сразу перевелись на заочное отделение. Помню, в детстве меня некуда было девать, и меня брали с собой в типографию, я спала рядом с линотипами, развлекалась пробельным материалом, и моё имя отливали в форму для печати. Поэтому всё, что касалось газетной технологии, я потихоньку освоила и лет в 10-12 спокойно макетировала целые полосу в качестве развлечения.

— Вы в Москве жили?

— Сначала жили в Северном Казахстане, а потом папу перевели в Москву, Мама стала работать в «Работнице» — тогда очень известном журнале. Папа в агентстве печати «Новости» возглавлял немецкую редакцию. Но, честно говоря, я не думала, что выберу эту профессию. Я очень обижалась на родителей за то, что их практически не было дома. И говорила: выйду замуж за военного, уеду в дальний гарнизон и буду заниматься только домом. В результате сейчас я, дай бог, чтобы неделю была дома.

— Что вам больше всего интересно в Красноярском крае как крае многонациональном?

— Во-первых, его потрясающие размеры и многообразие. Я слышала, у вас есть эстонские деревни, татарские деревни, чувашские, немецкие. Удивительно сохранение таких анклавов на такое длительное время.

— Одно время на краевом телеканале «Енисей-Регион» была программа, которая называлась «Национальность сибиряк»...

— Это чувствуется. Это не национальная, конечно, идентичность, а территориальная, но она накладывает огромный отпечаток. Местность, природа, ландшафт имеют значение, а здесь ещё и вот это удивительное смешение народов, которое уже несколько веков происходит в Сибири. Сибиряки немножечко другие, чем, допустим, жители Поморья. Но это не значит, что в них больше другого, чем общего. На самом деле общее в нас преобладает.

— Как вы думаете, какой путь у России как многонациональной страны? Есть возможность перейти к федеративному устройству, уйдя от национально-территориального деления?

— Мне кажется, пока не найден такой путь, который бы позволил безболезненно отказаться от этого ленинско-советского наследия — национально-территориального деления. А с ним масса вопросов возникает.

«

Например, возьмём второй по численности народ в Российской Федерации — татар. В самом Татарстане их живёт меньше, чем за его пределами. И так с большинством народов России.

»

Поэтому жёсткая привязка, что ты можешь сохраниться как представитель того или иного этноса, только если у тебя есть элементы государственности внутри большого Российского государства, не выдерживает критики, и здесь очень легко скатиться во всякие неприятные вещи, попахивающие сепаратизмом и прочим в этом роде.

Вспомним последнюю историю с навязыванием преподавания языков в ряде национальных

республик. Надо же понимать, что у нас практически нет территорий, где было бы мононациональное население.

Мне кажется, неизбежно, что мы когда-нибудь откажемся от национально-территориального деления, которое порождает такое количество проблем и, я бы даже сказала, неравенства граждан страны.

Мы от этого откажемся, но не в ущерб этническому многообразию. Просто нужно найти форму. Начать об этом думать. И не бояться этого переустройства. Ведь смотрите: в Чувашии есть татарские сёла, а в Татарстане есть чувашские сёла. Получается, они относятся к разным республикам по этническим компонентам. И что теперь, будем границы чертить, обходя каждую деревню? Глупость же полная.

Конечно, национальные элиты, которые к власти рвутся, держа в уме этнический фактор, будут сопротивляться, потому что они рассматривают свою этничность как козырь. И мы видим, что есть перекосы в национальных республиках, когда там чудесным образом оказываются у власти представители только так называемой титульной нации. А это что означает? Что все остальные резко поглупели? Здесь много вопросов, которые касаются именно связи этничности и власти, потому что власть — это доступ к ресурсам. А мне бы очень хотелось, чтобы у нас в стране у всех были равные права, равные условия.

— **Использовать этническую тему очень выгодно в борьбе за власть. Вы можете привести примеры, когда это приводило к серьёзным последствиям?**

— Мы видим, каким образом обошлись с той же Югославией, которая сейчас растащена по этно-конфессиональному признаку. Теперь говорить о том, что этот набор стран существует как самостоятельный игрок, уже не приходится. А там были народы одной этнической общности, просто разного вероисповедания. Теперь это площадка, где может топтаться кто угодно.

То же можно сказать про многие республики бывшего СССР. Распад страны резко снизил жизненный уровень в большинстве республик, которые пошли по «независимому» пути.

Понятно, что обратного пути нет. Но все эти спекуляции заканчиваются очень плохо для подавляющей массы простых людей. Абсолютное меньшинство выигрывает от спекуляций на этническую тему.

— **Могут ли что-то журналисты делать в этой ситуации?**

— Конечно. Сейчас всё, что происходит в умах людей, переместилось в информационное пространство. И там можно создать совершенно фейковую ситуацию, в которую тем не менее будут верить. Современные технологии позволяют не только отражать, но конструировать действительность.

И наша задача как журналистов — чтобы это зеркало было как можно менее кривым. Потому что исходя из отражения принимаются решения, создаётся настроение у людей. А когда у тебя всё перед глазами плывёт, ты можешь подойти к обрыву и упасть, поскольку не видишь, что впереди пропасть.

— **Расскажите об истории появления Гильдии межэтнической журналистики.**

— Гильдия возникла сначала как клуб журналистов в Москве. Начав делать свои программы, я вдруг обнаружила, что это безумно интересная тема. Мне дают кучу призов и наград чуть ли не с первого месяца появления передачи, а вокруг я никого не наблюдаю.

— **А какая у вас была передача?**

— Я работала на «Радио России» с 1991 года. Я всегда очень хотела на национальную тему писать, но это не находило отклика. Например, ещё в советские времена меня приглашали в «Комсомольскую правду», крутое предложение, но я сказала: «Если вы мне дадите хотя бы иногда писать на национальную тему». На меня очень удивлённо посмотрели: «Нет, не интересно». И я туда не пошла. Такой максимализм юношеский. И приход на радио был связан с тем, что там мне впервые сказали: «Да, пожалуйста». Я ушла на «Радио России» чуть ли не с потерей в два раза в зарплате. И достаточно долго, лет девять, освещала в оперативном режиме и все чеченские кампании, и осетино-ингушский конфликт...

Я не решалась делать цикловую программу, не понимала, как её делать, чтобы она была всем интересна. Аналогичные попытки телевизионных журналистов заканчивались глубоким фиаско. И пока я для себя не вывела формулу, каким должен быть материал на национальную тему, к

этому не приступала. А в январе 2000 года открыла свою программу «Народы России», потом «Национальный акцент».

А дальше началось осмысление: где же конкуренты? Почему я так долго в этом поле одна? И в 2003 году, когда открылся Дом национальностей московский, в виде клуба журналистов, появилась Гильдия наша.

Но путь был тоже не простым. В основном там собрались журналисты тогда ещё достаточно многочисленного пула национальных СМИ: корейские издания, армянские и другие. И случилась такая неприятность: в Москве избили возле метро пожилого корейского профессора. Я срочно всех собираю и спрашиваю: что мы можем сделать? Можем дружно во всех изданиях (у нас там их было 15-20) написать, что это безобразие, обратить на это внимание общества. Разочарование было в том, что представители ряда кавказских народов сказали: их аудитории это будет не интересно. Я говорю: хорошо, а вам будет интересно, когда изобьют кавказского профессора? Очень я расстроилась тогда. На несколько лет вообще отошла от клуба, мол, ждите, когда вас будут бить поодиночке.

— **Тогда уже использовали термин межэтническая журналистика?**

— Да, потому что этническая касается одного этноса. А у нас суть в том, что мы должны рассказывать о межэтническом взаимодействии. Это коммуникация между народами, между этносами.

Я вернулась к теме примерно в 2006-м, когда подумала, что нужен какой-то структурный проект, в котором Москвой дело не ограничивается. Я подумала, что на просторах страны наверняка есть такие же сумасшедшие, как я. И вот тогда возникла тема СМИротворца.

— **Что такое СМИротворец?**

— Это наш конкурс. Но опять же в течение двух лет мне крутили пальцем у виска. И первое время относились с недоверием. И название какое-то... А мне казалось наоборот: СМИ и миротворцы. Это очень точно отображает суть.

В 2008 году вдруг проснулась власть. Министрству регионального развития вменили в обязанности заниматься межнациональным вопросом, а они вообще не знали, с какого боку подойти, и тут я хожу с этой идеей уже два года. Они говорят: «Ну, давайте попробуем». И когда мы попробовали, стало понятно — это то, что надо.

— **А правда, что работы, которые пришли на первый конкурс, все подпадали под статью 282 «Разжигание национальной розни»?**

— К сожалению, да. Большая часть работ немножечко ужаснула, но я поняла, что люди делают это не по злобе, они не хотят кого-то поссорить, внести раздор, скорее наоборот. Люди чувствовали, что важно начинать на эту тему говорить, но не знали, как. Но мы очень быстро всё проанализировали, начали распространять лучшие практики. И процесс пошёл семимильными шагами.

Этот конкурс — способ найти единомышленников, объединить их. Вместе стать ещё сильнее, влиять на ситуацию. Я уверена, что на ситуацию мы повлияли. Журналистское сообщество очень сильно выросло в освещении этой темы. А ведь у нас нет ничего, кроме идеи. Вот у Союза журналистов есть здания, недвижимость... А у нас — только идея.

— **У нас есть форум, в котором мы общаемся в Фейсбуке.**

— Да, у нас есть самое главное. Это желание изменить мир к лучшему.

— **Как нельзя писать межэтническому журналисту? Есть какой-то учебник, свод правил на эту тему?**

— Да, мы разработали этический кодекс этнического журналиста. В 2012 году мы его для себя приняли. И вы знаете, он до сих пор остаётся актуальным. Ведь он создан самими журналистами из собственных практик.

— **Помню, как мы лайн всё это обсуждали и отправляли свои предложения...**

— Это большая ценность, на мой взгляд. Например, не переносить черты отдельно взятой личности на характеристику всего народа, что мы часто видим в криминальной хронике.

«Журналист избегает стереотипов об этнических группах» — тоже очень важная вещь. Потому что среди тех же гастарбайтеров огромное количество людей образованных, которые оказались в сложной ситуации и теперь вынуждены мести улицы.

Мне кажется, кстати, чисто человечески это и неправильно, и невыгодно. Нужно искать механизмы, чтобы образованные люди, если они хотят жить в России и быть полезными российскому обществу, получили эту возможность. Мы

от этого все только выиграем. И это как раз наша, именно российская традиция.

Масса есть таких вещей, куда журналисты могут вмешаться и исправить несправедливость. Вот, мне кажется, одна из ключевых миссий журналистики, привлекательная и высокая — исправлять несправедливость. Несправедливости много, недопонимания. И мы в своём относительно узком секторе межэтнических отношений тоже должны исправлять эти несправедливости.

— **Давайте расскажем о нашем проекте «Школа межэтнической журналистики». У нас в региональном отделении Гильдии на базе ТВ СФУ она успешно прошла в этом году уже в третий раз.**

— Мы заметили на каком-то этапе, что среди нас достаточно много людей сорокалетних.

«

Мы — это сорок плюс. А где те, кто за нами идут? Мы все прошли так или иначе школу дружбы, эту прививку мы получили ещё в советской школе и принесли в профессию. А что происходит со следующими поколениями журналистов?

»

Ведь те, кто приходит к нам на практику, это ужас, кошмар. И мы не успеваем за практику дать им нужные знания, чтобы они могли, работая в межэтнической тематике, не разрушать наше общество. Так возникла идея школы.

Конечно, мы не образовательная организация. И мы решили, что попробуем заниматься с молодыми журналистами в режиме наставников. Всё-таки журналистика — это ремесло, и оно передаётся из рук в руки.

Первая школа у нас была из девяти регионов, вторая из восемнадцати, третья уже из двадцати трёх.

— **Есть потребность?**

— Потребность есть колоссальная. Мы смогли за счёт президентских грантов сделать эту программу абсолютно бесплатной и включить ещё поездки по России.

Мы создаём негласно такую сеть из молодых людей, равнодушных к этой теме. Меня насмешило одно сравнение. Что укушенный вампиром тоже становится вампиром. И у меня такое ощущение, что мы хотим покусать как можно больше талантливых молодых журналистов ради того, чтобы они эту тему несли дальше.

— **А можем мы, журналисты, бороться с вербовкой молодых людей в экстремистские организации, такие как ИГИЛ (организация, запрещённая в России)? У нас спокойный регион, но есть случаи, когда прямо с авиарейса в Сирию снимали молодых людей, завербовавшихся в экстремистскую организацию. Мои студенты были удивлены, что это всё так рядом, и никто не застрахован.**

— ИГИЛ, к сожалению, очень динамично действует. Надо создавать такую среду в информационном пространстве, при которой молодые люди осознавали бы эту опасность и не попадали в сети. Здесь есть и часть нашей вины. Ведь кто туда чаще всего попадает? Самые романтические натуры, которые видят несправедливость вокруг. А чем ИГИЛ заманивает? Обещанием справедливости. А у россиянина, какой бы национальности он ни был, приоритет справедливости в крови. Поэтому для нас ИГИЛ особенно опасен.

Если так будет устроено общество, когда честным трудом невозможно себе заработать на достойную жизнь, мы будем выталкивать людей в ИГИЛ. И когда у нас двойные, тройные стандарты внутри страны, когда мы говорим одно, а делаем другое, когда одним можно, а другим нельзя, тогда мы получим ситуацию, что самые неравнодушные и самые талантливые будут попадать в эти капканы, их будут использовать и фактически уничтожать. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы, грубо говоря, бороться не с вербовкой молодых людей, а за построение справедливого общества, в котором хочется жить.

— **Это не утопия? Построение справедливого общества?**

— Не утопия. Это заложено в нашем генокоде.

Беседовала Валентина ВАРАКСИНА,
преподаватель кафедры журналистики ИФиЯК СФУ,
руководитель Красноярского регионального отделения Гильдии межэтнической журналистики

Текст _ Анастасия АНДРОНОВА
Фото _ Василий МОЛОШАГ

Эльконин
в СФУ

Ис-следование обнажает след

*«Что, немного у него сегодня слушателей? — удивлённо спрашивает гардеробищица, подавая пальто. — А вчера ой сколько пришло!». Вчера меня не было. Но поскольку аудитория, где неделю читает лекции профессор из Психологического института РАО Борис ЭЛЬКОНИН, вмещает 200 человек, а «много» — это, должно быть, полный зал, можно предположить первоначаль-
ный наплыв слушателей.*

Все последующие дни их на порядок меньше: человек 25-30. Лекции профессора — крепкий орешек. Над суждениями, которые он произносит, можно зависнуть надолго. Допустим, он говорит, по ВЫГОТСКОМУ: «Психика может быть явлена только через преодоление натурального в культурном». Или (уже по ЛЕОНТЬЕВУ): «Отношение между мотивом и целью называется смыслом». А вот это, возможно, отсылает к ХАЙДЕГГЕРУ: «С сознанием мы встречаемся, когда мы можем экспериментально воссоздать его рождение». И что, скажите, будет со всем этим делать обычный непуганый психолог или педагог?

Для облегчения жизни слушателей Борис Данилович пытается раскрыть подноготную слов, разделяя их паузами и вытаскивая корневой смысл: «Ис-следовать — значит обнажить след. Следы затёрты». «В слове со-страдание мы не видим «страда». В слове пере-живание есть и жизнь, и воссоздание жизни».

На мой взгляд, эти разломы слов, повергающие в медитацию, ещё более усложняют дело. Но те, кто ходит на лекции мэтра, слушают так внимательно, что временами, когда лектор задумывается, повисает та тишина, где не может не происходить этих самых «высших психических функций», о которых и идёт речь: понимание, мышление, развитие как преодоление...

Договариваемся об интервью, хотя времени на него у Бориса Даниловича почти нет: с утра он готовится к лекциям, потом три часа читает свой нынешний курс «Методологические основы культурно-исторической психологии и деятельностного подхода» для преподавателей и аспирантов Института педагогики, психологии и социологии СФУ. Потом едет в школу «Универс», где его ждут педагоги, занимающиеся развивающим обучением — с вопросами, ожиданием помощи, просьбами о консультации.

У меня свои вопросы, мне хочется личных историй, но вытащить их так и не удаётся, хотя пытаюсь апеллировать к собеседнику его же тезисами.

— На лекции вы сказали, что «профессоров надо воспитывать с детства». Какие вопросы или задания ставил перед вами ваш отец, известный отечественный психолог Д.Б. ЭЛЬКОНИН? Какой стиль общения был принят у вас в семье?

— Я имел в виду, что профессор должен быть занят вовлечением своих студентов в интригу мышления. Вне глаз, вне публичности — настоящей, а не костюмированного бала и ярмарки тщеславий — это не профес-сор, в смысле профи, профессионал, специалист.

А с отцом мы стали заниматься курса с первого-второго. Моё любимое занятие было сесть с ним и задавать вопросы. Он умел общаться не ролево, не как генерал с лейтенантом.

— Ещё вы назвали себя экспериментатором. Где границы вашего эксперимента? Распространяются ли они на личные взаимоотношения, внутренний мир?

— Я себе сделал комплимент, когда назвал экспериментатором.

Экспериментатор — тот, кто опробует условия своего действия. Однако опробовать можно не всё. Если мы в школе строим культуру пробного действия, то должно быть сказано и понято: кое-что не пробуются. Не опробуются эффективность телесных наказаний, допустим. Для меня пробно-испытательные действия — это, например, лекция, разговор, потому что на них испытывается интрига и поворот, который называется мыслью. Ведь заранее не дано, что некий поворот достаточно понят самим лектором. На лекции это и выявляется.

« Я не читаю лекций, если при подготовке их — а я готовлюсь три часа к каждой — не нахожу, что тут интересно, в чём интрига. »

А ведь бывают лекции о мышлении вне мышления. Но Мераб МАМАРДАШВИЛИ, ИЛЬЕНКОВ и другие, о ком я говорил, у них были лекции о мышлении с мышлением.

Что касается предмета эксперимента... С домашним хозяйством, например, я не умею экспериментировать. В быту самый лучший экспериментатор — это повар. А я готовить не умею, и эта область жизни меня не очень интересует. Правда, люблю экспериментировать с вином: пробовать аромат, отмечать, как оно чувствуется. И поскольку люблю с этим именно экспериментировать, то не часто напиваюсь.

— И какой вывод вы сделали из экспериментов с вином?

— Самое интересное — старое сухое красное вино. Моё любимое — старое Саперави. Хороши и грузинские, и французские, и испанские вина, они терпкие. Но профессорской зарплаты на это экспериментирование может не хватить.

— Как психолог вы, наверное, хороший физиологист? Много надо времени, чтобы вы поняли всё или многое о человеке?

— Часто мне удаётся, но с этим я тоже не экспериментирую, разве что в человеке заинтересован. Сейчас всякой психологической публицистики в головах у людей много. Я с этим не работаю. И отношусь к этой «попсе» с недоверием и даже презрением. Когда мне человек нужен, или когда он мой товарищ, то надо этот слой убирать и выходить в дело.

— Вы много лет занимаетесь развивающим обучением. Что вы считаете самым ценным достижением в этом подходе?

— Первое — очень важна передача другому человеку способа действия. И выделение условий того, когда способ действительно передаётся. На эту тему много литературы, не буду разворачивать.

Второе — назову проект «Черновик», который был осуществлён как раз в вашей красноярской школе «Универс» Оксаной Семёновной ОСТРОВЕРХ, Ольгой Игоревной СВИРИДОВОЙ и другими.

— В чём суть проекта?

— Учить надо черновику, а не чистовику, т.е. поиску, а не заданной извне результативности. Таково изменение Нормы, т.е. Культуры обучения. А дальше вопрос: если это черновик, то это приватное, «моё» пространство. А если учитель туда влезает, то получается уже чистовик. Вокруг этого вся интрига проекта. Оксана Семёновна здесь придумала много методик, которые ставят диагноз уровня и способа обучения.

— Долгое время развивающее обучение занималось младшими школьниками. Удалось ли перешагнуть барьер?

— Был проект, я его вёл в Москве с 1999 по 2006 гг., назывался «Подростковая школа развивающего обучения». То есть методики есть и для подростков по многим предметам, в ряде школ России это реализуется.

— А вы следили за судьбами детей, прошедших систему развивающего обучения?

— Был такой проект, его начинали Исаак Давидович ФРУМИН и Борис Иосифович ХАСАН — о карьерах многих детей из школы «Универс», которые прошли развивающее обучение. Это дело социологии, здесь нужна выборка, сравнение, нужна математика. Но в целом, вроде бы, эти дети оказались успешны в определённого типа деятельности.

— Видимо, имеется в виду интеллектуальный труд?

— Может быть. Но поскольку интеллектуальные работы не слишком в чести сегодня, требуются менеджеры, управленцы...

— Выходит, управленцам и менеджерам развивающего обучения не надо?

— Да наоборот. Но только подумайте, какой ужас будет, если какого-то члена правительства заставить много думать. Это шутка, в которой есть доля...

— Что труднее: учить детей или педагогов?

— Педагогов сложнее. Они взрослые, и им труднее преодолевать стереотипы и штампы.

— Зато они могут понимать, что им говорят.

— Это вы ошибаетесь. При нормальном разговоре дети понимают лучше взрослых.

— Как сегодня изменилась психология младшего школьника? Кстати, этот вопрос вам меня просили задать несколько человек. Родители, учителя не понимают, что им делать с современными детьми.

— По моим ощущениям современный младший школьник быстрее заканчивает с дисциплинарностью и переходит в пробно-поисковый режим. Это первое. Второе: приходя в школу, он в большей степени не готов к принятию дисциплины. И третье: с 80-х годов мы имеем заметный рост того, что называется «минимальные мозговые дисфункции». И представление о норме сегодня уже другое, отсюда вся эта инклюзивность, работа с особенными детьми и т.д. И это меняет норму. Лет 30-40 назад такого ребёнка отправили бы за диагнозом, а сейчас с ним работают.

— А чем объясняется рост дисфункциональных детей?

— Говорят о биологическом сдвиге популяции.

— То есть о вырождении?

— Может, наоборот. У БЕТХОВЕНА была дисфункция. У НИЦШЕ, у БАЛЬЗАКА, МОПАССАНА, ВАН ГОГА, СЕЗАННА... А у этого современного гения ХОКИНГА уж такая дисфункция!

— Вас это не пугает, я вижу, а вот учителям достаётся...

— Разумеется, им же надо менять способ работы, а они не научены. Начинать думать, быть лабильным, а это большая «неприятность». Образование педагогов остаётся прежним.

— На лекции вы вскользь сказали, что одним из современных трендов для ведущих университетов мира в области образования стала проблема вовлечения. А почему она так важна?

— В педагогике начали думать о том, что учиться должно быть интересно, с этим связано вовлечение. «О-сваивать», то есть делать что-то своим, должно быть интересно.

Есть такой американский социолог Ричард ФЛОРИДА. В конце 90-х он ввёл термин «креативный класс», книжку одноимённую издал, где говорит о том, что для выпускников американских вузов зарплата на третьем месте, на первом — интерес, на втором — среда, неагрессивная — наличие сообщества, возможностей и т.д. По Флориде, забота современного специалиста состоит в том, чтобы сделать себе интересно, найти интригу. А тогда образование призвано инициировать этот тип существования.

— Какие ещё тренды актуальны в образовании?

— Каждый, кого вы спросите, назовёт свой список. Я вижу четыре основных тренда.

Первый — вовлечённость, о которой мы говорили. Второй — переход от обучения к учению, то есть «само-стоятельность». Третий — компетенции. И четвёртый — разные образы жизни, включённые в одно образовательное пространство. Возможность результативного действия; игрового действия; продуктивного действия; учебного действия. Конечно, не всякое держание куклы есть игра. Но когда есть все эти типы действия, это современная школа.

— А что из этого наиболее характерно российскому образованию?

— Пока мы «торчим» на ценностях послушной жизни, то есть результативного действия.

— Даже вузы не меняются в сторону современных вызовов?

— А много ли вузов вы знаете, которые требуют портфолио и кейсы? Где оценивается способ учебной жизни, а не лишь сдача зачёта и экзамена.

— Про современного человека ещё говорят, что он начинает играть с пограничным, испытывает и свои возможности, и области неизведанного. Разве это не всегда было?

— Было, но, видимо, жизнь скучнеет, и отсюда эта тяга к экстремальному спорту и прочие вещи. Это тип возгонки жизни, наверное. Кровотока нет. Но ещё раз: я не социолог, и данных на эту тему у меня нет.

— Хотелось бы всё же представлять, как человек изменится лет через 50...

— Что тут скажешь? Идите, делайте шаги и представьте.

— И вновь хочу вернуться к тому, о чём мы говорили на лекциях: о культурных средствах, с помощью которых и происходит обучение. Существует ли набор культурных средств, которыми в обязательном порядке должен владеть педагог?

— Набора нет.

Забор — это культурное средство? А дом? То, как устроено школьное пространство, это тоже определённый тип культурного средства. Тип вкладывания человека в определённую дисциплинарную практику.

Вопрос не в наборе, а в том, может ли педагог эти средства воссоздавать, пересоздавать и с ними работать. Даже у хирурга дело не в наборе инструментов.

— Учат ли этому?

— Учат, но не этому. Ведь массовая школа создавалась для выпестивания правильного, послушного человека. А для того чтобы вырастить, скажем, управленца или государственного деятеля, делались особые школы, типа Пушкинского лицея.

И современной школе хочется сказать: ребята, вы не учите. Даже, у тех, кто хочет учиться, вы отбиваете охоту. У самых талантливых — за месяц, у менее талантливых — за полтора года.

Учение — другая работа нежели то, как вы строите систему обучения. Это я повторяю за Д.Б. Элькониным, В.В. ДАВЫДОВЫМ и многими другими.

— Но мы, родители, настраиваем детей на то, чтобы они выполняли требования школы: делали домашние задания, не пропускали уроков, хорошо себя вели... А выходит, выполнение главных школьных требований никакого успеха не гарантирует. Что же тогда происходит в школе?

— Происходит отчуждение. И те родители, которые имеют возможность, отдают ребёнка ещё куда-то — в художественную мастерскую, на танцы. То, что называется дополнительное образование. Возникает и такая штука, как homeschooling. По-моему, в Америке 3 миллиона семей это практикуют. То есть идёт рост выхода из школы. А поскольку это один из трендов, появляется много альтернативных мест.

— Ваш нынешний цикл лекций был посвящён наследию Л.С. Выготского. В какой степени это наследие присутствует в подготовке отечественных педагогов и психологов?

— Педагоги и психологи фамилию Выготского знают. Но в систему подготовки он не встроен. И это хорошо. При той системе, что есть, испортили бы Выготского.

— А чего бы мы не понимали без Выготского?

— Не понимали бы главного — того, как создаются и воссоздаются СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ. Попытка «помещения» культурно-исторической психологии в образовательную реальность — это и есть система развивающего обучения Д.Б. Эльконины — В.В. Давыдова.

Записано за Б. Элькониным

>> Ты коммунизм хочешь строить? Будь добр, нарисуй себя в нём и сделай первый шаг. Тут дамы обычно начинают плакать.

>> Когда мне говорят «Я читал Выготского», «Я читал Хайдеггера» и т.д., у меня появляется злобная усмешка. Это российский тип разговора в глаголах несовершенного вида. Всё равно как у шестилетки спросишь: «Ты руки вымыл?», а он: «Я мыл!». Выготский требует не чтения, а прочитывания. А это предполагает задавание вопросов.

>> Хорошее чтение со второго и третьего класса — это прочитывание. Оно же исследование.

>> О смысле вслед за А.Н. Леонтьевым говорят в формате «Зачем?». Для меня это «Где?» и «Как?».

>> Я принадлежу деятельностиной школе советской психологии. А что я делаю, принадлежу этой школе?

>> Рожать сознание больно. Это рожать связки, которые делают сознание чем-то одним. Сродни дому, который держат фундамент и скрепы.

>> Я себе запрещаю произносить как знакомые слова деятельность, действие, общение, эмоции и т.д.

>> В настоящем не устоишь, это самая тяжёлая вещь. То тебя несёт в прошлое, и ты готовыми аксиомами сыплешь. То тебе больное воображение фантомы будущего рисует.

>> Сейчас образование помешалось на скорости. Бумажки же в корпорации из кабинета в кабинет надо быстро переносить. Так вот, Выготский — про другое.

>> Надо не формировать и не выстраивать, а оформлять созревание процессов развития, их подхватывать. Я полагаю, что «чистое» формирование, как и проектирование — это одна из модернистских иллюзий. Школа не умеет работать с детской инициативой, не умеет сохранять энергию человека и оформлять её, то есть, по Выготскому, преобразовывать натуральное в культурное, не теряя энергии натурального.

>> Мотив — это мотор. Как включить этот мотор? Выготский — про зажигание.

>> Высшие психические функции — это не мышление, воля, речь и т.д., а их увязывание, их совместная работа. Внимание и память, речь и мысль.

>> Посмотри на жизнь — увидишь смысл.

>> Выготский считал, что значения есть обобщения. И значения развиваются.

>> Наличие записывающих устройств на моей лекции — большое свинство. Вне тебя тебя воссоздают. Шутка.

Текст _ Александра КАЗАНЦЕВА

Человек тайги

О том, почему новосибирец переехал в Красноярск, какие перспективы у внутреннего туризма нашего региона и что за чудеса под самым носом у красноярцев, мы поговорили с руководителем отдела организации экспедиций в Экспедиционном центре Русского географического общества СФО, председателем Красноярской региональной общественной организации поддержки и развития внутреннего туризма «Путь Сибири» Максимом ФОМЕНКО.

— Я родом из Новосибирской области. В Красноярск приехал учиться, поступал в Красноярское высшее командное училище радиоэлектроники ПВО. И... Знаете, что такое дежавю? В первые же минуты на перроне железнодорожного вокзала, впервые приехав, я не просто понял, что это мой город... У меня было ощущение, что я наконец-то вернулся домой. Каждый прожитый день, каждый год только подтверждают это чувство, всё больше влюбляют в Красноярск, в Красноярский край.

— **Была возможность уехать?**

— Да, после окончания службы в армии. В Санкт-Петербурге я закончил военное училище и там же служил; после мне было предложено поступить в Санкт-Петербургскую юридическую академию по президентской программе переподготовки военнотружущих, уволенных в запас. Предлагали должность в администрации Санкт-Петербурга, но даже не раздумывал — вернулся.

— **Странное решение. Чем вас так притянул Красноярск?**

— Природой, историей. В детстве я много читал про Сибирь, в том числе и про Красноярский край, и он уже тогда запал в душу. Новосибирская область вроде недалеко, но там природа совсем другая — степи да охолки. А тут — тайга, для меня это лучший отдых, лучший способ быть в мире с собой. Стал заядлым охотником, рыбаком, а когда увлёкся поездками на внедорожниках, и появилась возможность попасть в самые отдалённые уголки края, это уже была самая настоящая страсть. Вступил в клуб «УАЗ Патриот», по сути дела, мы его и создали силами энтузиастов. У нас в Красноярске, кстати, много любителей бездорожья.

— **То есть Красноярский край вы полюбили из-за отсутствия нормальных дорог?**

— Можно во всём искать минусы, а можно из минусов делать плюсы. Мы живём в Сибири. Это огромная территория при сложных климатических условиях. Как правило, в хорошем состоянии у нас только федеральные трассы. Зато остались дороги с 16-17 веков, запущенные, заброшенные — как раз для внедорожников. К нам за поездками по бездорожью даже из Австралии люди едут: там есть техника, но таких условий, таких сложных трасс не найти.

Это же настоящее мужское занятие: всё зависит от твоих навыков, от того, насколько подготовлена твоя техника, и от желания куда-то ехать. И готовности к самым непредсказуемым ситуациям. У меня один из первых запомнившихся выездов был по дороге на Кан. Планировали поехать максимум на полтора дня — половить, рыбу, пикник устроить, отдохнуть. А вернулись через четыре. За сутки попали в сильный ливень, снегопад, потом вышло солнце, всё растаяло, и мы просто завязли. Пришлось строить мост через таёжную реку, переправлять все машины...

— **Но до Кана можно доехать по федеральной трассе.**

— Можно. Но неинтересно. Мы выбрали маршрут по старой заброшенной дороге, проложенной ради леспромхозов. Когда-то там вывозили лес, и дорога — это колеи от трелёвочных тракторов.

— **На работе не смотрели косо из-за таких поездок?**

— В тайге всякое случается, не всегда можно вернуться вовремя, бывают незапланированные ситуации, поэтому иногда я на сутки мог опоздать на работу: понедельник, селекторные совещания, а я ещё в тайге. Я работал в банке, был замдиректора и занимался вопросами экономической безопасности. От руководства, конечно, влетало. Первое время громы и молнии в меня метали, грозили увольнением, но всегда как-то мирно всё разрешалось. А позже и тут плюсы свои нашлись: к нам приезжало много гостей и коллег из других городов, Москвы, из-за границы. Что показывать им в городе или в окрестностях? Я высоким и не очень гостям организовывал экскурсии.

Потом оказалось, что среди моих друзей и знакомых многие устали от отдыха за границей. Объехав практически весь мир, они вдруг поняли, что малую родину, Красноярский край не знают совсем. Я же из-за первой профессии некоторое время был невыездной, но в автопутешествиях с семьёй мы объехали весь Байкал, Алтай, Тыву, Хакасию, Абхазию. И, конечно, Красноярский край. Я увлёкся разработкой маршрутов, возил экскурсии по краю и не только. У нас очень много интересных мест, куда можно попасть только в определённый сезон из-за неблагоприятных климатических условий. Но побывав там, понимаешь, что такое настоящие ценности.

— **И что это такое?**

— У нас всё настоящее. Есть места, где не ступала нога человека. Или ступала, но осторожно и редко, не испортив и не изгадив природу. В таких местах лучше понимаешь себя.

— **А ещё в таких местах комары, мошка...**

— ... друзья, интересные задачи, которые мы решаем вместе, специальная техника, гитара вечером у костра. Как вам объяснить-то? Это определённый образ жизни. Вот вы были в Тунгусском заповеднике?

— **Нет.**

— А это гораздо ближе Европы или Юго-Восточной Азии, где наверняка бывали. Но там вы не найдёте чувства полного единения с природой. А в том же Тунгусском заповеднике — да, именно за этим туда едут со всего мира.

Со временем увлечение вытеснило прежнюю профессию.

Однажды товарищ спросил, слышал ли я о Русском географическом обществе. Я заинтересовался, сначала в Интернете нашёл информацию, потом пришёл знакомиться в Экспедиционный центр РГО СФО. Через некоторое время вступил в РГО и начал заниматься организацией экспедиций уже в составе экспедиционного центра. Были разные проекты, в том числе и работа по установлению точных координат места аварийной посадки С-47 «Дугласа» в Арктике. С 2015 года стал заниматься организацией экспедиций.

— **Можно ли обратиться в Экспедиционный центр РГО СФО за поддержкой?**

— Конечно. В первую очередь, это информационная поддержка, что сегодня важно.

— **Кто финансирует экспедиции?**

— Есть возможность получить грант, но, честно говоря, мне пока это не удавалось. Все экспедиции мы проводили за счёт личных сбережений.

— **А для чего нужно было организовывать «Путь Сибири»?**

— «Путь Сибири» появился осенью 2016 года, чтобы помогать в разработке новых туристических маршрутов. В районах края часто нет специалистов, которые могли бы профессионально разработать туристический маршрут, правильно подать информацию о нём. Длительное время мы так работаем с Мотыгинским районом: провели экспедиции и проработали маршруты, помогли с разработкой полиграфии и презентацией, организовали туристическую выставку, на которую пригласили многие северные районы края.

— **Почему именно северные районы?**

— Потому что все пути начинались там. Первое русское заполярное поселение было создано на Севере, куда поморы пришли через Северный Ледовитый океан. По царскому велению город Мангазея был основан в качестве опорного пункта для продвижения русских вглубь Сибири и сбора государственного ясака. Тогда же единственным источником пополнения царской казны было «мягкое золото» — пушнина, а больше всего мехов везли из Сибири.

После падения Сибирского ханства появилась возможность выйти от Тобольска к Енисею. Первым селом было Маковское, появился торговый путь, который на протяжении нескольких веков был важнейшей магистралью, по которой шли товары, в том числе из Китая, из Кяхты. По некоторым данным, на Маковском волоке работало более 4000 бурлаков. Именно тут везли в ссылку неистового протопопа Аввакума Петрова, а позже — епископа Луку Ташкентского (в миру Валентина Феликсовича ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО). Село Маковское старше Енисейска и существует до сих пор, живёт за счёт лесозаготовки. Там стоят старинные купеческие дома, церковь сохранилась, живёт отец Севастьян, которого многие православные почитают как святого. Только попасть туда трудно: летом вокруг болота, добраться можно на танкетке или вертолёте, по зимнику проще, можно и на автомобиле, если дороги не заметёт снегом.

Чем дольше занимаюсь историей Красноярского края, тем грустнее становится, что большинство красноярцев её совсем не знают. Спрашиваешь людей: как в Сибири появились казаки? Отвечают — Дубенский привёл. А откуда он приплыл? Уже мало кто может ответить. Но информация эта — открытая, есть много ресурсов, посвящённых освоению Сибири, почему же интереса к этой теме нет?

Вот мы и пытаемся рассказать, каких трудов стоило построить здесь первые города, развивать регион. Жители края как должное воспринимают, что Сибирь освоена и пригодна для жизни, они здесь родились и выросли, и их родители, и деды многих. Но когда-то это был дикий край. И наши маршруты — это дань истории, мы рассказываем о развитии региона, о людях, которые этому посвятили жизни, о вкладе Енисейской губернии

в развитие России. Нам действительно есть чем гордиться. Сегодняшняя шаблонная формулировка для Красноярского края — сырьевой придаток. А какую роль он сыграл в истории России, знают немногие.

— Как вы думаете, почему?

— Люди странно устроены, никогда не ценят то, что рядом. Они скорее поедут в соседние регионы, в Европу, на край света, чтобы там чему-то удивляться. А Красноярский край — мы же тут живём, что тут может быть неизученного и интересного? Весь мир, бывает, объедут, а о чудесах настоящих, которые тут, рядом, так и не узнают.

— Может, не знают, к кому обратиться? У нас внутренний туризм на нулевой стадии.

— Не соглашусь. В Красноярске достаточно организаций, которые профессионально занимаются экскурсиями разных уровней сложности именно в крае. Другое дело, что не все делают акцент на истории. Многие красноярцы не знают, что Тунгусский метеорит находится на территории Красноярского края. О Палласовом железе ещё меньше слышали. А ведь этот метеорит дал начало целой науке — метеоритике. Это первый метеорит, который нашли в России. Хотя академик Петер ПАЛЛАС, в честь которого его назвали, мало того, что не сам его нашёл (помощник увидел странное железо у местного кузнеца, оно поддавалось ковке без огня, а при нагревании распадалось на кристаллы), так ещё и не понял, что перед ним, отправил в Российскую академию наук как образец нового вида самородного железа. Только через сорок лет учёные определили внеземную природу присланного образца. И это открытие дало начало новой науке — метеоритике, а метеориты такого класса стали называть палласитами.

Упал метеорит в Новосёловском районе, в долине реки Убей. Может, из-за его аномального влияния всеми мануфактурами и заводами в этой долине управляли женщины? Большую часть метеорита вывезли ещё в 1773 году стараниями Палласа, наибольший кусок массой 514,557 кг находит-

ся, как подготовить следующую экспедицию, чтобы она принесла успех.

Есть экспедиции, в которых главная сложность — подготовительный этап. Когда-то мечтал сделать маршрут по Сибирскому тракту. Но что такое этот тракт? Каждая дорога живёт определённый период, появляется благодаря торговым путям, городкам или предприятиям и умирает вместе с ними. Семь лет я изучал историю дорог края и продолжаю. В результате в конце этого сезона у нас была экспедиция на Троицкий солеваренный завод, первое промышленное предприятие Енисейской губернии (наша газета уже рассказывала об этой экспедиции sibforum.sfu-kras.ru/node/985 — СФ). Соль в Троицке начали добывать в 1640 году. Это был и основной консервант, и валюта, без неё в тот период было невозможно развитие любой территории. Часто монеты из прессованной соли в Сибири ценились выше золотых, не зря её называли «серым золотом».

На внедорожниках в сопровождении трактора мы прошли древним торговым путём от Казачинского острога до Троицка по болотам, солончакам, древним гатям и таёжным лесовозным дорогам на территории трёх районов Красноярского края. По дороге останавливались в деревнях, собирали рассказы аборигенов об истории тех мест, кроме того, в процессе экспедиции был снят фильм, который показали на канале «Енисей». То есть промежуточную задачу мы выполнили. Следующий этап — превратить этот маршрут в туристический, вовлечь местное население в его развитие.

Уже сейчас есть идеи по Казачинскому району, есть люди, есть даже формат событийного мероприятия, но нужна поддержка финансовая и административная. То, что увидели на территории сользавода, конечно, удручает: он сейчас никому не нужен, заброшен, разруха полная, остались только остовы зданий. А ведь это объект культурного наследия, он должен быть под защитой государства. Буду об этом рассказывать на фестивале РГО в ноябре.

ском крае. Но нужно учитывать наши климатические особенности. Создавать и поддерживать инфраструктуру в северных районах — очень дорого, а поток туристов непостоянен. Поэтому ожидать отелей на уровне четырёх звезд не стоит. Но на кордоне в том же Тунгусском заповеднике или на таёжных заимках по Соляному пути есть всё, что необходимо человеку: крыша над головой, печь, баня. В условиях Крайнего Севера глупо ожидать, что туалет будет внутри жилища — там это просто невозможно. Обычно люди к таким условиям готовы изначально и воспринимают даже как некий колорит. Иностранцы, скорее, не готовы к нашим расстояниям. Для нас две-три тысячи км проехать — привычно, для иностранцев это шок. Когда показываешь Красноярский край на карте — в центре России такая огромная территория, больше, чем многие европейские страны. Люди изумляются нашим сибирским просторам — можно ехать 2-3 дня и не встретить ни одного населённого пункта. Только природа, тишина и полное спокойствие.

У нас в каждом районе края есть уникальные объекты, но часто жители этих районов о них даже не подозревают, увлечённые поиском золота или лесозаготовками.

В Новосёловском районе в четырёх километрах ниже паромной переправы есть Улазы — уникальные скопления петроглифов на скалах. Изображены там и караваны верблюдов, и всадники на лошадях, когда-то там проходили торговые караваны из Китая.

В Мотыгинском районе большое количество объектов культурного наследия. Среди них Усть-Тасеевский идол — культовый комплекс из нескольких фигур, в состав которого входит самое северное в Азии каменное изваяние, относящееся к IV-I векам до н.э. Местные считали это место необычным и мистическим — во время грозы именно туда били молнии. Но причина не имеет никакого отношения к эзотерике — Усть-Тасеевский идол стоит на почвах, богатых железом. Поэтому и молнии его любят, и рации в округе не очень работают, и все электронные приборы сходят с ума. В этих же местах археологами под руководством Юрия ГРЕВЦОВА были найдены бронзовые изделия, характерные для Китая. Судя по всему, китайцы торговали с таёжными скифами, обитавшими здесь в тот период. Сейчас эти артефакты хранятся в музее Железногорска.

Ещё одно загадочное место в том же районе — мыс Арбан, который расположен в точке слияния рек Чуна и Бирюса. Там тоже проводились раскопки, но до сих пор легко можно найти артефакты: выходя из лодки, я чуть не наступил на лезвие бронзового топора, которое вовремя заметил Юрий Анатольевич. Причём оно было острым! Подобные предметы регулярно вымываются из почвы дождями и тающим снегом.

Рассказывают, что когда-то археологи не смогли ночевать на мысе: им мерещились голоса людей. Пришлось переносить лагерь на другой берег реки и каждое утро возвращаться. Учёные объясняют этот феномен перепадами уровней воды двух рек, но некоторые люди до сих пор убеждены в паранормальности этого феномена.

— Насколько сложно найти эти места?

— Без проводника — практически нереально. Места заповедные и блудные. В первую экспедицию, несмотря на то, что с нами был человек, знавший местность, к Усть-Тасеевскому идолу мы так и не вышли.

— Бывало ли страшно?

— Да, однажды встретили медведя. Не нос к носу, но в пределах видимости. Мы очень быстро собрали вещи и уехали. В дикой природе нужно предпринимать определённые меры безопасности, иначе рано или поздно тебя съедят. Поэтому с нами всегда есть егеря, знающие повадки зверей.

В другой раз в тайге мы наткнулись на место, где всех пятерых участников экспедиции охватил беспричинный панический страх. Если пообщаться с охотниками, то таких мест в сибирской тайге довольно много.

Но у нас и совсем под носом есть интересные места. 15 минут от города — и ты на Торгашинском хребте, где много прекрасных видовых площадок, удивительной красоты природа. Или чуть дальше проехать, прямо на въезде в Дивногорск есть древний скит, в котором сейчас работают художники. Нужно всего лишь немного любопытства и желания знать историю малой родины.

В экспедиции

Усть-Тасеевский идол

ся в метеоритной коллекции Минералогического музея РАН в Москве. А остальная часть разлетелась по миру, сегодня каждый более-менее значимый музей имеет небольшой фрагмент Палласова железа. А официальное международное название метеорита — Krasnojarsk, по названию нашего города.

Найти место падения метеорита не могут до сих пор. Исследователи не отчаиваются, хотя времени у них не так много: всего один месяц в году — июль — дорога к предполагаемому месту падения метеорита не размыта дождями или не завалена снегом.

— Какая экспедиция для вас была самой сложной?

— Как раз на место падения метеорита Палласово железо: много болот, очень изрезанный рельеф местности. Пройти более 40 километров по горам с отрицательными уклонами, рекам и болотам, не сломав технику, было непросто. И это ещё нам с погодой повезло — дождей не было. Место падения метеорита мы не нашли, но это и не было целью. Нам было важно провести разведку местности,

В марте мы опробуем новый туристический маршрут — поедem на внедорожниках на День оленеводов в Эвенкию: красивый праздник, национальная кухня, подлёдная рыбалка.

— Всё-таки туризм предполагает определённую степень комфорта. В Латвии, например, есть этногостиницы, этакие имения, расположенные среди дикой природы, но со всеми удобствами, привычными современному человеку, включая вай-фай.

— Конечно, это перспективное направление для развития внутреннего туризма в Краснояр-

Текст _ Татьяна АЛЁШИНА

Хранители

Я не знаю, как происходит, что именно ты становишься архивариусом своей семьи. Собирателем всех этих пожелтевших открыток, кумачовых грамот, рисунков старшего брата, давно остановившихся наручных часов, фотографий, где мама в белом платье с букетом ромашек и маленький папа в обнимку с большой собакой, старых тетрадей с пожеланиями, календарей с рецептами, вписанными от руки ...

Быть может, просто в твоём детстве ты дольше, чем сверстники, оставался один? Перебирал чёрно-белые снимки в старых альбомах. Внимательнее подслушивал разговоры взрослых и чуть больше любил невероятные бабушкины истории...

С Николаем Борисовичем СИЗОВЫМ мы познакомились в школе, куда ходят вместе моя дочь и его внучка. Как часто бывает у красноярцев, нашли множество общих знакомых. Но Красноярск моего собеседника простирается намного дальше во времени. Николай Борисович, как и многие в его семье, стал хранителем истории не только Сизовых, но и самого города.

Музей-концлагерь

— Вы родились в Красноярске?
— Да. Я из типичной красноярской семьи, в которой все откуда-нибудь приехали. Корни её и в Центральной России, и на Востоке. Среди моих предков — и казаки, основавшие наш город, и крестьяне-переселенцы, приехавшие сюда в конце XIX века, и эвакуированные в годы войны специалисты. Дед мой по отцу попал в Красноярск вместе с отступающим с Востока колчаковским войском в январе 1920 года.

«Считать обвинение неустановленным, заключить в концлагерь сроком на 3 года», — такова запись в следственном деле моего деда, Георгия Лаврентьевича СИЗОВА. Знаете, где в 20-е годы находился красноярский концлагерь? В здании краеведческого музея, который начали строить в 1913 году. Как музей оно открылось в 1930-м. А до того какое-то время в нём держали заключённых.

Бывшие колчаковцы пришли в Красноярск по морозу пешком; по железной дороге, погрузив трофеи в вагоны, ехали белочехи. Дед Гора рассказывал, что пока дошли до города, помёрзло огромное количество людей — зима в 1920 году была лютая.

Дедушка был образованным человеком. Отбыв срок, он работал бухгалтером Главсевморпути. Все красноярцы знают, что база полярной авиации располагалась на острове Телячьем, теперешнем Молокова. На бабушке, Галине Григорьевне БЕРЕЗИНОЙ, учительнице, дед женился в 1921 году. Они жили на Дубровинского — в доме, на месте которого сейчас многоэтажка с магазином «Меридиан».

Конькобежцы на льду Енисея

— С чего для вас начинался родной город?
— Конечно, с бабушкиного двухэтажного дома

по ул. Дубровинского на берегу Енисея. Дом стоял неподалёку от конного двора бывшей почтовой станции. Она располагалась здесь ещё до Гражданской войны, но запахи конского навоза сохранились на десятилетия.

Речной вокзал был построен ещё в моём детстве. С площади перед ним разъезжались по городу немногочисленные автобусы. На Дубровинского жила бабушка, а я с родителями — в районе Телевизорного завода, и мы ездили туда и обратно на 25-м автобусе. Возвращаясь домой, выходили на ул. Новосибирской и шли пешком. Тогда все очень много ходили пешком, это считалось нормой.

С другой стороны от Речного вокзала улица Дубровинского тоже была деревянной. Дома стояли там задрами к Енисею на крутом обрыве, который потом срыли, сделав откосы — верхний ярус набережной. Протока между левым берегом и островом Посадным, как и весь Енисей, замерзала, и зимой на ней соревновались конькобежцы. Я тоже катался там на коньках. Енисейский лёд был потрясающего качества: ровный, гладкий, отшлифованный ветром...

Площадь Дома Советов

— Считалось, что дом бабушки находился в центре?

— Конечно, нет. Центральной была площадь, где устанавливали ёлку. Тогда она ещё не называлась площадью Революции, все говорили «Дом Советов». А рядом на Мира находился «Дом ГВФ» — Гражданского воздушного флота, на котором размещена мемориальная доска.

Многие красивые дома в центре Красноярска построили пленные японцы — пленных немцев дальше Алтайского края не отправляли. Японский лагерь находился какое-то время в районе цирка шапито на Красной площади. Там есть старинное кирпичное здание, где размещалось управление японскими лагерями.

Поле с подсолнухами

— Ваша семья жила рядом с Телевизорным заводом с 1940-х годов?

— С 1950-х. Мой дед по маминой линии, Николай Дмитриевич ТРОИЦКИЙ, был одним

из строителей, а после — первым директором Телевизорного завода. В годы войны он организовывал эвакуацию крупного строительного треста из-под Тихвина Ленинградской области.

Мама, которой в 1941 году было 11 лет, запомнила эти события как самые ужасные в своей жизни. Два эшелона, в которых были размещены техника и люди, были отправлены на восток буквально в последние дни перед блокадой. Под бомбёжкой и угрозой высадки немецких десантов.

Семья деда — бабушка Ольга Фёдоровна и две дочери, моя мама Галина и её сестра Римма — пока добрались до Красноярска, жили в нескольких городах: Нижнем Новгороде, Бокситогорске. Девочки каждые полгода меняли школы, но обе были отличницами.

Только в 1943 году трест выгрузили в районе станции Базаиха. Первое время семья жила там в землянке. Уже после дед получил квартиру на ул. Новой Зари, где прошло и моё детство. В основном здесь давали жильё работникам Телевизорного завода. Тогда это была самая настоящая окраина города. На месте нынешнего парка «Троя» было поле, где росли подсолнухи.

Интересно, что там хотели строить спорткомплекс и уже начали прокладывать коммуникации. Но поскольку завод был режимным, строительство запретили. Только в середине 1960-х на этом поле заасфальтировали дорожки, сделали посадки.

Деревянный город

— Есть ли такое место в Красноярске, которое кажется вам таким же, как в детстве?

— Пожалуй, нет. Раньше мы с друзьями часто ездили в Студгородок. Казалось бы, там меняться нечему, кругом лес. Но сейчас там всё застроено, затоптано. И даже от станции Минино, откуда мы часто ходили в город пешком, сплошные дачи.

Всё очень изменилось за эти годы. Представьте, проспект Свободный до середины 1960-х был не заасфальтированным, грунтовым.

Помню, как строили Комсомольский городок. В клубе лагеря, где жили строители, крутили кино. И моя бабушка, которая не пропускала ни одной премьеры, посадила меня, трёхлетнего, на санки и повезла в этот клуб «Комсомольский» на «Тайну двух океанов».

Соревнования и хоккейные матчи устраивали прямо на льду Енисея

Стадион «Динамо» — современный «Локомотив»

Улица Вейнбаума – квартал между Ленина и пр. Мира.

Лыжники Сизовы в будущем парке «Троя»

Летом в детстве мы бегали купаться «на Инвалидку». Так называлось озеро за ул. Курчатова, где был детский санаторий закрытого типа. Или на озеро Ветлужанка.

Знаете, откуда появилось это название? На месте сегодняшнего района было садовое общество Радиотехнического завода. Поскольку там работало много специалистов из Горького (Нижегород), где есть река Ветлуга, общество назвали в память о родных местах. Название — всё, что осталось от прошлого.

Красноярск долго был деревянным. Есть известный снимок, сделанный во время аэрофото съёмки в феврале 1966 года. Город виден на нём от этой самой Ветлужанки до посёлка Индустриального. Отчётливо различаются всего несколько каменных улиц: частично проспект Мира, Комсомольский городок, Свободный, проспект имени газеты «Красноярский рабочий», улицы Юности и Вавилова. Всё остальное — деревянное! Огромная Николаевка, район Качи. В том 1966 году весной случилось очень сильное наводнение, вода поднялась буквально за одну ночь. И это сподвигло руководство города начать переселение людей и строительство нового района. Так появилась улица Железнодорожников.

Потомки барона

— Ваш дедушка, директор Телевизорного завода Николай Троицкий, с которым вы жили на Новой Заре, ленинградец?

— Нет, и он, и бабушка родом из Пензы. Они рано поженились, ему было 18, ей 19 лет. Дед по образованию землемер — геодезист, картограф. Окончил Харьковский политехнический институт, который тогда назывался землеустроительным.

А бабушка окончила пензенскую гимназию в годы революции. В 1917-м ей было 15 лет. Её отец и мой прадедуська, Дмитрий Рудольфович ДЕЛИВРОН — правнук Франца Деливрона, швейцарца, который был принят на русскую службу во флот ещё в XVIII веке. Внук Франца, Рудольф Андреевич Деливрон, был героем обороны Севастопо-

ля, артиллеристом, участником русско-турецкой войны. За храбрость его наградили золотым георгиевским оружием.

В конце XIX века Рудольф Деливрон оставил службу и поселился в Пензе. Тогда многие отставные военные получали наделы в Центральной России.

Но сын героя и отец бабушки Дмитрий умер довольно молодым. Быть может, то, что бабушка осталась одна, спасло её от молоха революции. Она рассказывала о тех ужасах, которые творились в Пензе в революционные годы: лютовали чекисты, бушевал белочешский мятеж. На глазах 15-летней бабушки толпа растерзала пензенского полицмейстера.

Высокие отношения

— Но ведь у бабушки Ольги отчество Фёдоровна, а не Дмитриевна?

— Да, потому что там непростая семейная история. Мать Ольги, моя прабабушка Елена Борисовна МЕЙЕН, была замужем за Фёдором Фёдоровичем МУХИНЫМ. У них родилось шестеро детей. Но женское сердце коварно — прабабушка влюбилась в Дмитрия Деливрона, который был сослуживцем её мужа. Было подано прошение о разводе в Синод, и пока эти бумаги ходили по инстанциям, в новой семье родилось уже трое детей. Старшей была моя бабушка Ольга.

Но тут началась русско-японская война. Оба мужа Елены, законный и гражданский, офицеры. И они дали друг другу слово: если кого-то из них убьют, оставшийся в живых будет заботиться о всех девяти детях сразу. Такие вот высокие отношения.

Вышло так, что Дмитрий тяжело заболел и умер не на полях сражений. Всё бремя забот о большой семье легло на плечи Фёдора. Поскольку брак Елены с Дмитрием так и не стал официальным, он удочерил детей Деливрона, ведь иначе они имели бы статус незаконнорождённых. К тому времени Фёдор уже был в приличных чинах и служил в Петербурге, проживая в большой квартире неподалёку от Адмиралтейства.

От пианиста до депутата

— Ваши предки были офицерами. В советское время эта традиция продолжилась?

— Отчасти да. У Дмитрия Деливрона, кроме Ольги, была дочь Татьяна. Воевать пришлось обоим её сыновьям, Андрею и Владимиру Ганцевым.

Семья Ганцевых эвакуировалась в Красноярск вместе с семьёй моей бабушки Ольги. Причём в эшелоне везли рояль — Володя был очень способным пианистом, и все думали, что он многого добьётся на этом поприще. Но вышло иначе. В Красноярске его призвали в армию, он окончил ускоренный курс Киевского артиллерийского училища, тоже эвакуированного в наш город, и был направлен в действующую армию в 1943 году.

В феврале 1945-го в Восточной Пруссии старший лейтенант Владимир Ганцев был тяжело ранен. Когда ординарец выносил его с поля боя, перед ними взорвалась мина. Солдата убило, а Володе оторвало правую руку и повредило левую кисть, на которой осталось полтора пальца. После фронтового госпиталя всех раненых отправляли долечиваться по месту призыва, и в Красноярске умирающего Володю, у которого вдобавок открылся туберкулёз, взяла к себе тётя — моя бабушка. И она выходила его!

Выздоровев, дядя Володя отправился поступать в Москву, в механический институт, который затем стал называться Московским инженерно-физическим, МИФИ. Но абитуриенту-инвалиду отказали в приёме. Тогда Владимир добился встречи с министром и после этого всё же был зачислен на курс.

Он окончил МИФИ с отличием, остался в институте, занимался научной работой, был деканом, депутатом Моссовета и одним из основателей институтской мотосекции... Это был человек с необыкновенной жадой жизни, который произвёл на меня огромное впечатление. Умер он только в 1977 году.

(Окончание на стр. 19)

Демонстрация 7 ноября. Квартал пр. Мира между ул. Сурикова и Вейнбаума. На заднем плане слева — Покровская церковь

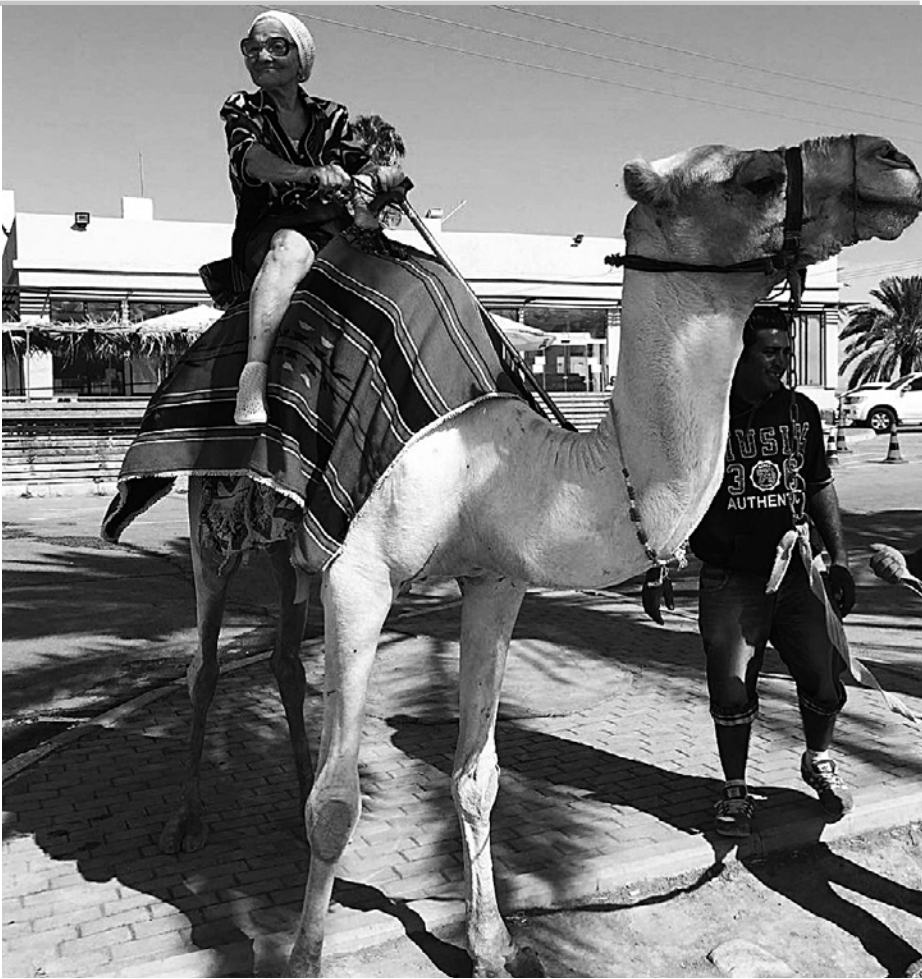

Часовня ещё не была смотровой площадкой

Текст _ Анна ГРУЗДЕВА

Знаменитая наша
красноярская баба Лена
объехала полмира

Цивилизация, начинающаяся с бабушкизации

Одной из основных тем XII Красноярской ярмарки книжной культуры, организуемой Фондом Михаила Прохорова, стала старость — будущее, которое, так или иначе, ждёт каждого человека. Ученые всё чаще говорят об увеличении продолжительности жизни, но как это повлияет на общество? Почему эмпатия стала эволюционным преимуществом человека, как нам в XXI веке научиться не старить стариков и какую роль пожилые особи играют у животных? Эти и другие вопросы на круглом столе обсудили художник Саша ГАЛИЦКИЙ, который ведёт творческие мастерские в израильских домах престарелых, геронтолог из Копенгагенского университета Руди ВЕ-СТЕНДОРП, написавший бестселлер «Стареть не старея», антрополог Станислав ДРОБЫШЕВСКИЙ, знающий всё о будущем человеческого организма, и модератор беседы писательница Линор ГОРАЛИК.

Линор: Все участники беседы более-менее одного возраста, никто из нас не дитя. Мы все более или менее отдаём себе отчёт, что становимся старше. Я начну с очень личного вопроса. Руди, каково быть человеком, который стареет?

Руди: Сейчас мне 58. Три года назад, когда мне было 55, две мои дочери покинули мой дом и стали жить самостоятельно, и тогда я стал понимать, что у меня начинается другая история. Я переехал в другую страну и начал другую карьеру.

Александр: Я побрил голову.

Линор: Помогло? Что это изменило? Что это за ощущения?

Александр: Помогло. Я думаю, меня это подвинуло лет на двадцать.

Станислав: Честно говоря, я пока себя не чувствую особенно стареющим. Но как биолог считаю, что это принципиально необходимо. У меня есть детишки, и я вижу, что они растут. Кто-то должен стареть, кто-то должен нарождаться, в этом в принципе смысл жизни, потому что в тот момент, когда люди останутся в одном возрасте, наша цивилизация кончится. Поэтому это в своём роде хорошо.

Линор: Я получила три прекрасных совета: побрить голову, поменять карьеру и смириться. Мне все три страшно нравятся, я готова их принять. Я продолжу про смысл жизни. Станислав, как биология сейчас, в этом веке, пытается осмысливать человеческое старение?

Станислав: Биология, как и любая наука, состоит из отдельных людей, поэтому сколько исследователей, столько на этот вопрос и мнений. В целом смысл жизни — это продолжение в будущих поколениях, копирование генома, с некоторыми изменениями, с некоторым улучшением и «заточкой» его под новые условия среды. Условия среды меняются, и надо как-то на это реагировать. Реагировать индивидуально не очень

получается, а со сменой поколений — да, и в этом смысле старение — это необходимый элемент этой смены.

Линор: Но в этом смысле старость — это отрабатывание материала.

Станислав: Это пессимистичная точка зрения. **Линор:** Да, но она есть.

Александр: На самом деле для человека, у которого есть мозги, интеллект и всё такое прочее, это уже не совсем так, и старость может быть мощным двигателем эволюции человека. Когда-то она им и была, потому что в тот момент, когда появились старые люди, которые уже не размножались, но ещё могли что-то делать, цивилизация и началась. В английском есть даже такой термин — grandmothering, бабушкизация, бабушковоевание. Есть пожилые люди — носители опыта и информации, и в тот момент, когда они в принципе появились, у нас начался прогресс.

Линор: Тут естественным образом возникает вопрос к Руди. В вашей книге «Стареть не старея» есть важное замечание: старости становится больше. Что западная культура сегодня хочет от человека, которого она считает немолодым?

Руди: Приведу такой пример. Если в Африке вы открываете дверь и входите в дом, первые, кого вы там видите, это дети. В Европе и в России вы первым делом видите старых людей. Что нравится нам всем? Дети, которые нас окружают. Когда мы видим играющих детей, мы умиляемся и смеёмся. Дело в том, что мы в принципе не любим старых людей и старость.

Линор: Саша, ты живёшь в мире, где много старых и очень старых людей. Каждый, когда слышит слова «работаю в доме престарелых», представляет себе священный и тяжкий труд. Как ощущается эта работа?

Александр: Во-первых, это работа. Я думаю, что есть какое-то свойство характера, которое

позволяет мне увидеть этих людей и приблизиться к ним. Это вещь, которая или есть или нет. Человечество вообще делится на две категории: люди, которые работают с машинами, и люди, которые работают с людьми.

Линор: Эмоционально бывает трудно?

Александр: Да, бывает. Самое страшное — это смерть, но не как акт, а как внезапность. Это как спросить «А как дела у Йосефа?» и получить ответ «Ты что, не знаешь? Он вчера умер». Ты получаешь дыру в организме, которая должна теперь зажить. Это очень тяжело.

Линор: Станислав, то свойство, которое у Саши, эмпатия, это биологический механизм?

Станислав: Я предпочитаю простое нормальное слово «доброта», потому что смысл не меняется, а звучит по-человечески.

«
Способность общаться, не злиться, не агрессивно относиться к другому человеку, сочувствовать, составлять общие планы и так далее — всё это было принципиально важно для выживания наших предков, когда они жили в саванне голыми, босыми три миллиона лет назад в виде австралопитеков.
»

Когда они только слезли с деревьев и не были, строго говоря, хорошо приспособленными к саванне, когда у них не было огня, орудия, жилища, при этом вокруг ходили саблезубые тигры и гиены.

ны. Если они поступали эгоистически, они просто умирали. Поэтому в то время все злобные люди, «редиски», были «выпилены» под ноль. Альтруизм был заколочен железной рукой естественно-го отбора так, что до сих пор не очень-то выветривается. И в этом смысле это наше врождённое свойство.

Я не могу сказать, где в геноме находится ген, который отвечает за эмпатию, но ясно, что он не один. И нет такого участка в мозге, который отвечает за эмпатию, но это точно врождённое свойство. И благодаря этому мы появились как вид, потому что есть другие варианты эволюции. Например, эволюция показывает нам, что павианы в то же время и в ту же саванну вышли по тем же экологическим причинам, что и мы, но они построили своё общество: иерархичное, основанное на агрессии, на демонстрации, на огромных клыках, такое фашистское пирамидальное общество, где сверху стоит альфа-самец. Другое дело, что павианы так до сих пор и есть павианы, они так и сидят в саванне. А мы эволюционировали, и эмпатия была принципиально важна для этого. Фактически, это наше основное свойство.

Руди: Я отвечу сразу двоим. Без эмпатии ничего не будет: ни секса, ни детей.

Ну, а что касается вопроса о смерти, то здесь я бы хотел сказать, что 50-100 лет назад очень много умирало детей. Сейчас ситуация другая, дети так часто не умирают, и символом смерти становятся старые люди. И понятие эмпатии изменилось. Раньше это было отношение к детям, к молодым людям. Сейчас, когда вы видите кого-то с седыми волосами, вы понимаете, что да, этот человек может умереть, и я не хочу с этим иметь ничего общего. И здесь вопрос о том, кто как ощущает старость и кто как ощущает смерть, потому что когда на человека с седыми волосами смотрят с жалостью, это прежде всего отношение молодого поколения, а не отношение стариков к своим же старикам. Потому что когда я смотрю на себя в зеркало, я думаю, что я прекрасно выгляжу, у меня очень много планов, я собираюсь жить дальше и не собираюсь умирать.

Линор: Хочу сделать ремарку. Мы сейчас говорим о том, что абсолютно любую жизненную ситуацию все люди переживают по-разному. И что есть пожилые и не пожилые люди, которые переживают старение как катастрофу, конец пути. И более того — когда их близкие пытаются сказать им «послушай, ты молод, у тебя впереди, 20, а может быть, и 30 продуктивных лет жизни, дай себе жить, не запирайся, не закрывайся, не давай себе умирать сейчас», человеку бывает трудно это принять, хотя внешний мир говорит ему «не сдавайся». И есть то, что посередине. Я думаю, что Саша в своей работе видит очень разных пожилых людей, с очень разными взглядами на будущее. Что пожилые люди говорят о своих планах на жизнь?

Александр: Я помню, что когда мы праздновали 12-летие моей дочки, к ней на день рождения пришёл мальчик-первоклассник и сказал, что она уже старуха. Вот она — разница нескольких лет. Однажды я слышал, как отец, больной тяжёлой болезнью, объяснял своим маленьким детям, что такое смерть. Он говорил: понимаешь, у тебя есть конструктор, и ты из этого конструктора собираешь какой-то город. И когда у тебя уже кончились кубики, ты хочешь собрать ещё какой-то дом, у тебя не хватает кубиков, и тебе надо разобрать какой-то свой старенький домик, чтобы собрать новый.

Знаешь, у нас говорят: «я не покупаю бананы зелёные, потому что не знаю, доживу ли до того, как они созреют». Я вижу людей, которые говорят: «Если я доживу, я хочу делать такую же работу, какую делаешь ты». В этом состоянии люди живут, получают удовольствие от жизни, и это меня греет и даёт смысл жизни.

Линор: Я думаю о теории умирающего социолога Эрика ЭРИКСОНА, который пытался определить стадии жизни и был одним из тех, кто сказал, что есть такая стадия жизни, как старость. Теперь я понимаю, что вопреки общественному воображению старость не начинается в 50, как раньше, она начинается в 80.

Руди: То новое понятие, которое появилось в обществе, называется третьим возрастом.

Что происходит? Женщины в России уходят на пенсию в возрасте 55 лет. И что они собираются делать следующие 25 лет своей жизни или больше? Какова идея третьего возраста? Увеличивается количество лет, которые человек должен прожить, и прожить он должен так, чтобы быть полезным обществу, чтобы это было приятно ему самому.

Линор: Саша, ваши подопечные — это в некотором смысле люди из предыдущего мира, люди, для которых выход на пенсию в 55 лет означал, что ты старик. Но ваши подопечные — это часто доказательство того, что после этих 55 лет человек прожил ещё 50 лет человеческой жизни. Как они жили в то время, когда мы считали их старыми, а они были просто людьми?

Александр: Мне трудно сказать, как они жили, потому что я работаю с ними последние 15 лет. Руди прав: продолжается средний возраст, и жизнь продолжается почти бесконечно, например, у моих подопечных рождаются праправнуки. Люди продолжают работать до 70-80 лет. Я прикинул, что я в этой беседе самый старший, мне 60, я большой мальчик, и про себя решил, что я пойду на пенсию, когда в класс, в мастерскую, где я работаю, будут заходить люди, и не будет понятно, кто учитель, а кто ученик резьбы по дереву.

Руди: Известно, что те люди, которые уходят на пенсию даже в 70 лет, отчаянно хотели бы вернуться на своё рабочее место.

Линор: Мы всё это время говорим: люди, люди, люди. Но есть исследования, как животные относятся к своим стареющим. Станислав, как относятся к своим старикам другие биологические виды? Какую роль там играют старики?

Станислав: В большинстве случаев стариков у них нет. Их либо съедают, либо они умирают от болезней. Но, например, у слонов, высокоразвитых животных, пожилые особи есть, и они выполняют ту же роль, что и у нас в обществе. Например, в стаде слонов самая старая самка руководит группой. Она знает, в какой сезон и где добыть еду, куда надо идти, чего бояться, а чего нет. И они лучше всех выживают, даже палеонтологически это прослеживается. Например, в ямах-ловушках с глинистыми берегами захоронены только молодые слоны, потому что старые слоны знали, что эти берега опасны, и не ходили туда, у них был жизненный опыт.

И в этом смысле животные от нас не отличаются ничем. Единственное, чем мы отличаемся — у нас больше пожилых личностей, потому что мы умеем организовать свою жизнь так, чтобы она продолжалась ещё дольше. Но тут есть два момента. Старость бывает физиологическая и психологическая. Если у меня артрит, и я просто не могу работать резчиком по дереву, то я «выключен» из каких-то видов деятельности, но я могу, например, заниматься философией. А есть психологическая старость, когда человек говорит «ой, я такой старый, мне уже ничего не надо», и это просто лень. Старость и лень получают почти синонимами. Мне хронологически пора на пенсию — всё, я пошёл, до свидания, следующие 50 лет я ничего не буду делать. Но люди, которые хотят что-то делать, находят возможности для этого. У нас в университете есть много людей за восемьдесят, и они читают лекции, при этом они усваивают новое, они не застряли в своём прошлом. Вопрос к статистике: кого в обществе больше?

Линор: Лично я бы не пользовалась словом «лень», это, скорее, выбор. Мне кажется, отношения человека к себе, безусловно, формируются обществом, в котором он живет.

«

Точно так же, как человека можно убедить, что он уродлив, слаб, не нужен, разными способами общество может убедить человека в том, что он старый. Мне кажется, в этом есть огромная общественная проблема.

»

А если человеку много раз повторять какую-то оценочную характеристику о нём самом, даже если в первый раз она его возмущает, во второй удивляет, в третий пугает, он может в четвёртый её принять. Саша, как не старить своих стариков?

Александр: Если мой 65-летний брат в Москве приходит к врачу и говорит, что у него болит там-то и там-то, а врач ему говорит «чего вы хотите? В вашем-то возрасте!», это то, о чём ты говоришь: «извини, тебе пора к своим предкам». Если ты хочешь от человека избавиться, то посади его на стул и сдувай с него пыль, не давай ему ничего делать. Я думаю, что единственный способ не стареть — продолжать быть активным.

Линор: Как в этом помогать тем, кто считает себя старым?

Александр: Нужно искать способы что-то делать. Я вижу, что занимаясь, например, деревянной скульптурой, 90-летние люди забывают свои болезни, и даже если они с трудом приходят ко мне на урок, они на три часа становятся молодыми людьми, с молодыми чувствами.

Линор: Руди, что может сделать общество, чтобы не старить окружающих нас людей?

Руди: Проблема не в самих старых людях, эту проблему создаём мы. Мы видим у людей седые волосы, морщины, болезни и делаем их старыми. Это дискриминация, такая же, как дискриминация по половому признаку. Как бы рано люди ни уходили на пенсию, общество должно создавать условия для того, чтобы они проживали хорошую жизнь, а не ждать, что они скоро умрут, потому что только тогда мы создадим те условия, которые помогут справиться с проблемами старения. Это не только проблема России, такие же проблемы и в моей стране, в Дании.

Линор: Станислав, всё, что мы сейчас говорим, прекрасно. Но есть биология, есть тело, которое стареет. Оно стареет сейчас иначе, чем оно старело раньше?

Станислав: Если брать 100 лет, то ничего не менялось. Для того чтобы изменилась биология, нужны десятки и сотни поколений. Всё меняется в масштабах сотен тысяч лет. Другое дело, что у нас есть некоторый диапазон изменчивости, мы задействуем тот ресурс и потенциал, который в нас заложен. И мы можем дожить до 120 лет. Среди питекантропов таких особей не было. Неандертальцы жили максимум 50 лет, но ресурсы у них были. Если сейчас взять неандертальца и вырастить его в современных условиях, где есть хорошая медицина, еда и всё остальное, то он тоже, наверное, прожил бы 100 лет. Домашние животные тоже живут в три раза дольше, чем дикие. Другое дело, что мы биологую сейчас учимся менять, но это уже вопрос будущего: биотехнологии, генная инженерия... Потенциально мы можем ещё больше продлить себе жизнь.

Линор: Главное, чтобы нам было, чем заняться.

Станислав: Это уже вопрос к философам.

Александр: Я слышал, что крокодилы не умирают от старости, это правда?

Станислав: Крокодилы умирают от старости. Но есть вечные животные, например амёба. Одноклеточные животные в принципе бессмертны, амёба или инфузория вечные. Бессмертие и у нас существует. Что такое дети? Это наши клетки, которые просто вырастают заново. Амёба делится пополам, а мы из миллиардов клеток выделяем одну, чтобы она жила, и из неё потом тоже вырос такой же организм. Тут вопрос, говорим ли мы про чистую биологию, гены, или мы говорим про интеллект, разум, душу?

Линор: Мне кажется, что мы говорили сейчас о том, что старым делает человека не он сам, а общество, в котором он живёт, и это касается абсолютно каждого из нас. Это касается того, как мы обращаемся со своими близкими на личном уровне. Это касается того, что общество ожидает от людей по мере того, как их образ меняется. Это касается условий, в которых живут старики, и пенсии в 5600 рублей в месяц. Это касается наших собственных желаний и нашей готовности, так или иначе, двигаться вперёд. Я попрошу каждого участника дать короткий ответ на вопрос: как не бояться собственного возраста?

Руди: Поговорите со старыми людьми, узнайте, боятся ли они смерти, и, в принципе, вы узнаете собственную судьбу.

Александр: С одной стороны, когда я увидел старость близко, я стал относиться к ней по-другому. Я вижу в этих людях, безусловно, себя. С другой стороны, не бояться собственного возраста, по-моему, невозможно.

Станислав: Я не чувствую себя настолько старым, чтобы давать глубокомысленные философские советы, причём универсальные для всех. Но я смотрю, что любой ребёнок хочет побыстрее вырасти, любой студент хочет поскорее закончить вуз, и никто не хочет стать поскорее стариком. Думаю, что надо находить в каждом возрасте плюсы. Вспомнить: я хотел выпуститься из вуза, чтобы что? Вот я в этом возрасте, надо пользоваться им скорее. И когда я выйду на пенсию, у меня появится куча новых возможностей, мне, наконец, не надо будет ходить на работу. Это же классно.

А другие мысли и высказывания, записанные на КРЯКК, на стр. 21

Текст _ Галина ДМИТРИЕВА

Мачу-Пикчу, 2015 г.

Уехать, чтобы остаться

Отъезд людей науки за рубеж — дело для нашей страны привычное. Впрочем, не только для нашей. Учёные, как все творческие люди, склонны к перемене мест. В основе этой склонности, как правило, лежат интересы науки. Наши же учёные отъездом чаще всего решают вопрос поистине шекспировского масштаба — быть в науке или не быть в ней, уйдя в какие-нибудь «эффективные менеджеры». Кстати, наиболее эффективные как раз из них и получают. Особенно из физиков.

Именно этот вопрос в своё время встал и перед сотрудником Института лазеров, фотоники и биофотоники в Баффало (США) Александром Сергеевичем БАЕВЫМ, окончившим в 1996 году Красноярский государственный университет, в стенах которого — теперь это, конечно, СФУ — мы и беседуем:

— Вообще-то я новосибирец. В девяносто первом поступал в Новосибирский государственный университет на физфак, но не добрал баллов и оказался в Новосибирском электротехническом институте на факультете, где готовили специалистов для Института ядерной физики. Там, надо сказать, я получил довольно хорошую теоретическую подготовку в области матанализа и линейной алгебры.

Летом следующего года приехал погостить в Красноярск. Город меня заинтересовал, и я пошёл в деканат на физический факультет просить документы для перевода. Мне тогда зачили все курсы и взяли на второй курс.

— Чем же вас заинтересовал Красноярск? И как вы сегодня оцениваете своё тогдашнее решение?

— Заинтересовал неформальной атмосферой, скажем так. Здесь я общался с людьми театра, с музыкантами. Потом и сам играл на гитаре в местных рок-группах. И мне очень понравилось, как здесь всё было устроено. Ну и на Столбы меня, конечно, сводили. Всё это поразило и очень полюбили. Сейчас могу сказать, что решение остаться в Красноярске хоть и было спонтанным, но оказалось правильным.

Когда настал момент выбирать специальность, я выбрал нелинейную оптику. Как это получилось, уже не помню. То ли нам сделали экскурсию в Институт физики в лабораторию когерентной оптики, то ли кто-то из сотрудников выступал в университете, рекрутируя студентов.

Помню только, что было очень интересно. И мой профессор Александр Кузьмич ПОПОВ, мало того что отличный физик (школа нелинейной оптики в Красноярске была создана его усилиями, а это достаточно мощная команда), так ещё сразу стал нас настраивать на то, что нужно говорить и писать о науке на английском языке. К концу пятого курса мы его уже более-менее освоили.

Так что всё складывалось очень удачно, и когда речь зашла об аспирантуре, передо мной не стоял вопрос, куда поступать. Всё было понятно — в Институт физики, в лабораторию когерентной оптики. Кандидатскую защитил 6 июня 2000 года. Интересно получилось — в тот день два Александра Сергеевича защищались — я и КРЫЛОВ. Он сейчас старший научный сотрудник лаборатории молекулярной спектроскопии института физики им. Киренского. И это был день рождения Пушкина. Потому и запомнилось.

Потом я получил возможность поехать в Королевский технологический институт в Стокгольме и через два с половиной года защитился. Это была лаборатория квантовой химии, так что мне тогда пришлось немного поменять направление научной деятельности и овладеть квантово-химическими программными пакетами. Это значительно расширило моё научное мировоззрение. Тот научный аппарат, которым я овладел, позволил мне смотреть на вещи с двух разных точек зрения, позволил сравнивать и выбирать тот метод, который наиболее адекватен поставленной задаче.

Здесь надо сказать, что мне тогда очень повезло. Моим научным руководителем по диссертации в Стокгольме был Фарис Хафизович ГЕЛЬМУХАНОВ — учёный с мировым именем в области рентгеновской спектроскопии. У него есть замечательное качество — он умеет объяснять сложные вещи буквально на пальцах. Может лю-

бому школьнику рассказать, чем занимается.

— А вы можете так, на пальцах, объяснить читателям, чем занимаетесь?

— Если описать одним словом, то мы в нашей лаборатории занимаемся нанотехнологиями. Это сегодня у всех на слуху. Все понимают, что нано — это что-то невидимое невооружённым глазом. Мы сейчас больше занимаемся материаловедением, причём с двух противоположных направлений — с точки зрения эксперимента (синтеза, грубо говоря) и с точки зрения теории — теоретического описания новых свойств материалов, которые мы производим. Поскольку это объекты системы с размерами, невидимыми глазу, то все свойства этих материалов не похожи на свойства обычных предметов, которыми мы пользуемся. Здесь возникают новые эффекты, новые свойства, и это всё интересно не только с теоретической точки зрения, но и с практической.

— Сейчас вы приехали в Красноярск погостить или есть какие-то перспективы сотрудничества с Сибирским федеральным университетом?

— Изначально намечалась частная поездка. Но ещё до отъезда она быстро переросла во вполне деловую. С Сергеем Петровичем ПОЛЮТОВЫМ, руководителем Научно-исследовательского института нанотехнологий, спектроскопии и квантовой химии СФУ, мы вместе работали в лаборатории в Швеции. Он мне ещё года три назад предложил сотрудничать. Для начала хотя бы курс лекций на английском прочитать.

Тогда это всё на словах и осталось. Но вот сейчас, похоже, вполне возможно появление хороших совместных проектов. Мне это интересно и как учёному, и как человеку. Я возвращаюсь в родные стены. Это моя альма-матер. Мне было бы приятно внести какой-то вклад в развитие университета, потому что... Ну, скажем так, сентиментальные чувства.

— Вы были здесь последний раз четыре года назад. Какие-то перемены для себя отметили?

— Изменения гигантские. Они ещё более заметны, когда смотришь на теперешних студентов. Насколько я вижу, они более раскрепощённые. У них, можно сказать, глаза горят. Сегодня, когда у нас был семинар в лаборатории Сергея, аспиранты, молодые учёные — все понимают английский. Задают вопросы, с ними вообще интересно общаться. И видно, что им нравится заниматься наукой.

— О совместных программах вы говорите очень осторожно...

— Пока всё в работе. Но направления обозначены. Скажу только, что все они будут в области нанотехнологий. Этим сильны мы, и это интересно Сергею Петровичу. У него большинство ребят-аспирантов — теоретики, а у нас есть ещё и эксперимент. И очень часто получается так, что когда к нам приезжает теоретик, он начинает и руками что-то делать. Это касается и химиков, и физиков, которые обсчитывают какие-нибудь измерительные системы, приборы. Они могут сами попытаться эти приборы создать, так как у нас очень хорошая инструментальная база. И получить материал с заданными свойствами, который они уже просчитали и понимают, для чего он может пригодиться.

— Из Стокгольма вы уехали в Штаты. Этот переезд многое значил в вашей научной карьере. А смогли бы вы достичь того же, если бы остались?

— Вопрос сложный. В девяностые здесь приходилось просто выживать. Заниматься в то время только наукой было невозможно. Я знаю, что мои одноклассники, которые остались, совмещали научную работу с преподавательской. И не только. Работали и менеджерами, и программистами. У кого были семьи, тем уж совсем было тяжело. А с точки зрения научной... Дело в том, что Александр Кузьмич Попов, который руководил моей диссертационной работой, в 1999 году уехал в Америку, получив достаточно стабильную работу в одном из университетов. И здесь стало совсем неуютно. Задачи, которые тогда перед нами ставились, имели не очень большое прикладное значение. Мы занимались фундаментальными вещами: атомной спектроскопией и нелинейной оптикой в атомных системах, и было сложно получить финансирование под эту работу. Вообще, вопрос состоял не в том, оставаться или нет в стране. Надо было решать — оставаться в науке или уйти из неё.

— И вы решили уехать, чтобы остаться. Сейчас живёте в Баффало. Что это за город?

— Это в штате Нью-Йорк, на границе с Канадой. Практически в часе езды от Торонто. Наша главная достопримечательность — Ниагарские водопады. Они от нас буквально в двадцати минутах езды. Очень красивый штат. Огромное количество национальных парков. Сам-то Баффало равнинный, а немного отъедешь — горы, каньоны. Всё в зелени, всё очень красиво.

В своё время Баффало был индустриальным городом. Там был канал, который соединял все Великие озёра с Гудзоном, позволяя выйти в Атлантический океан. После кризиса, когда закрылись многие металлургические предприятия, канал оказался заброшен и превратился в туристический объект.

Теперь Баффало опять на подъёме, но уже не за счёт производств. Начали развиваться медицинские технологии, нанотехнологии. В Баффало основали научно-медицинский центр по изучению онкологических заболеваний. Наш университет очень плотно сотрудничает с этим центром. В нашем городе сейчас три кампуса — Северный, Южный и отдельно Медицинский. За счёт огромного притока студентов (и не только американских) Баффало становится университетским городом. Так что мы теперь не город сталеваров, а город высоких технологий.

— Александр, учёные старой школы, по определению Даниила Гранина — «зубры», были очень разносторонними людьми. А как сегодня? Вы и ваши коллеги полностью погружены в свою науку или за её пределами для вас тоже что-то существует?

— Хотя мы и не зубры старой школы, но всё же получили ещё классическое образование. Обучение на младших курсах было не только про науку. Например, у нас был отличный курс музыкальной культуры, который читал Евгений Андреевич ЛОЗИНСКИЙ. Благодаря ему мы бесплатно ходили в Малый зал филармонии на вечера классической музыки. Ещё был курс философии искусства с Владимиром Ильичом ЖУКОВСКИМ.

— Вы это тогда ценили?

— Да, мы ценили это и тогда. Лозинский умел заинтересовать. Что касается курса философии искусства, то он нам казался слишком сложным, и мы не очень понимали, какое это всё имеет отношение к нам, физикам. Но сейчас я понимаю — это значительно расширило кругозор.

— А если сравнить с кругозором сегодняшних студентов? Вы сказали, что они кажутся более свободными. В чём эта свобода проявляется?

— Я здесь со студентами на отвлечённые темы много не общался. Их свобода для меня выражается чисто внешне — они стали более раскованы. Если мы выглядели приблизительно одинаково, то они совершенно разные. И это не просто из желания выделиться, а от какой-то внутренней раскрепощённости, которой у них, несомненно, больше, чем когда-то было у нас. И ещё у них больше информации.

Вместе с тем, хотя моё мнение может быть опровергнуто, мне кажется, они более поверхностны. Им приходится воспринимать очень большие объёмы информации, а в этом случае трудно сфокусироваться. Может быть, они меньше читают, меньше слушают академической музыки. Тем не менее радуют даже эти внешние проявления внутренне свободных людей.

— Александр, а в будущем вы себя видите там или здесь? И возможно ли в России создать такие же условия для работы, которые привлекают наших учёных за границей?

— В данный момент я себя вижу там, так как уже пустил, что называется, корни. Есть дом, есть круг друзей, есть подруга, есть достаточно далеко идущие планы. А если говорить об условиях — думаю, чтобы люди не уезжали или возвращались, мало одной зарплаты. Необходима комбинация — хорошие условия для работы плюс социальный комфорт. И возможность путешествовать, а не сидеть на одном месте.

Лично для меня нет такого места, где бы я остался на сто процентов. Мне интересно путешествовать. Поработать там, поработать здесь... Тем более, что сейчас можно и дистанционно работать. Главное, должен присутствовать внутренний комфорт.

— И вам за границей комфортно...

— Я уехал достаточно молодым человеком, и мне было очень легко интегрироваться в среду. Вообще, я не из тех, кто приезжает и общается только на русском. И при этом постоянно жалуется, что ему скучно. Мне и в Россию всегда комфортно возвращаться. У меня здесь родители, много друзей. Никакого неудобства я не испытываю. Может, это потому, что меня всегда здесь принимают с распростёртыми объятиями?

Но и в Америке у меня есть круг друзей, с которыми много общих интересов. Я уже говорил, что играл на гитаре. Там хоть и не играю, но общаюсь с музыкантами в местных клубах. Есть и с кем ходить в походы. Я побывал в Южной Америке, на Аляске, на западном и восточном побережье США.

«

Мне нравится дикий туризм, с палаткой. Правда, совсем уж дикого туризма сложно ожидать от такой страны, как Соединённые Штаты. Там всё достаточно зарегулировано.

»

— Ваши друзья тоже занимаются наукой?

— Друзья у меня совершенно из разных социальных слоёв. Есть и коллеги, конечно, но есть и такие, кто от науки и вообще от интеллектуальных кругов очень далёк. Плотники, охотники, рыбаки. Я достаточно легко схожусь с людьми такого типа.

Несколько лет назад мне очень повезло подружиться с человеком, по образованию скульптором, который берёт подряды на ремонт и перестройку жилых и коммерческих зданий. Я иногда помогаю Майклу, когда есть свободное время. Просто интересно заняться чем-то новым, и я иду, допустим, с ним перекрывать крышу. Или занимаюсь сваркой медных труб. Это работа руками. А поскольку я теоретик, моя жизнь проходит в кресле перед компьютером, и мне нужно чем-то заниматься, чтобы не потерять моторные навыки. Вот я и занимаюсь.

Ещё надо сказать, что коллективы там, как правило, многонациональные. Конечно, больше всего из Юго-Восточной Азии. Много из Индии, из Китая, много русскоязычных. Это и Украина, и

Белоруссия, вообще все бывшие республики. Они там числятся русскими. Говоришь по-русски — значит, русский.

Но и все американцы — иммигранты в каком-то поколении. И они это всегда подчёркивают, гордятся своими корнями. Если корни итальянские, то ты ходишь на итальянские фестивали, машешь итальянским флагом, ешь пиццу. Если ты немец, то ты ешь сосиски и пьёшь пиво. Если ирландец, то пьёшь... тоже пиво, но ещё и виски. И всё доброжелательно — своим хоть и гордятся, но ни в коем случае не дискриминируют другую национальность. И это не только в научной среде.

— Вы сказали, что получили классическое образование, и в определённой степени этим объясняется ваша способность адаптироваться к возникающим вызовам. Но на Западе совсем неклассическая система. «Узость» им не мешает?

— Да, моя научная карьера развивалась, скажем так, скачкообразно. Сначала занимался нелинейной оптикой, потом какое-то время рентгеновской спектроскопией, потом квантовой химией, теоретическим материаловедением.

«

Мне сложно сказать, кто я сейчас:

физик, химик, материаловед? Ко всему прочему коллектив, где сейчас работаю, завязан на биологию и медицину.

Интердисциплинарные исследования

— это то, чем мы сегодня занимаемся.

»

Возможно, узкие области ещё сохранились. Скажем, кристаллография. Но даже традиционная кристаллография достаточно расширилась за счёт того, что там и биологические системы исследуют. Вообще, находясь на определённом уровне, легко переходить из одной области в другую. Возможно, это говорит о качестве образования, которое мы в своё время получили.

На Западе система несколько другая. В университетах нет обязательной программы. Ты сам выбираешь те курсы, которые хочешь пройти. Надо сказать, это палка о двух концах. С одной стороны, ты можешь стать хорошим специалистом, а с другой, пока ты ещё не совсем взрослый, то просто не можешь с методологической точки зрения понять, что тебе нужно и что потом пригодится. Бывает, они узкое берут, а что-то общее упускают. Или, наоборот, берут слишком общие курсы. Смогут ли они свободно переходить из одного направления в другое? Думаю, смогут. Просто тип мышления у них будет немножко другой.

Если у тебя есть интеллектуальные способности, чтобы самому изучить предмет, то почему нет. Но здесь важна скорость. Одно дело, когда специализированные курсы дают тебе разложенную по полочкам информацию в дозированном виде, и она входит в твой мозг, как пазл, а другое, когда ты сам ищешь эти крупички, перелопачивая горы. Очень затратный по времени процесс. И в этом смысле всегда лучше работать с преподавателем, который знает, как тебя научить. Или с научным руководителем.

Всегда должна быть научная школа. Должен быть человек, который тебе передаст знания, даже секреты какие-то, о которых ты в книгах ничего не найдёшь. К тому же существует информация, которая по ряду причин, например, из-за традиционной политики журналов, вообще остаётся неопубликованной. Конечно, это может показаться странным в наш информационный век, но это так. Иногда, как в далёкие времена, одна научная группа не знает, к чему пришли в другой, занимающейся той же темой. В результате в редакции приходят статьи со схожими данными, и начинается война за приоритет, как лет двести назад.

Поэтому нужна мобильность, поездки на конференции. Это вопрос эффективности. На Западе этой мобильности хватает. Надо, чтобы и наши ребята ехали, учились, потом возвращались и создавали свои научные школы именно здесь. И люди такие есть.

Да, люди есть. И хотя сокращение финансирования и наше тридцатое пятое место в мире по затратам на исследования и разработки в процентах к ВВП особого оптимизма не вызывают, всё же хочется надеяться, что люди эти останутся в науке. И чтобы остаться, им не придётся уезжать. ▲

Текст _ Наталья КУЗНЕЦОВА

Учёный с мировым
именем А. Кабанов
ещё пишет
стихи и прозу

Александр КАБАНОВ: «Есть много ступеней наверх и их важно пройти»

Пресса окрестила его «возвращенцем», хотя на самом деле он «человек мира». В 2010 году профессор Университета Северной Каролины и МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор химических наук Александр Кабанов стал первым обладателем российского мегагранта в области химии и, будучи уже директором первого в Америке центра нанодоставки лекарств, основал лабораторию наномедицины при МГУ. Осенью по приглашению заведующей базовой кафедрой биотехнологии ИФБиБТ СФУ профессора Татьяны ВОЛОВОЙ учёный впервые побывал в Красноярске. Воспитанник советской науки мог бы, наверное, назвать себя патриотом, но не любит пафоса.

— Вот уже четверть века, как я российско-американский профессор. В моей лаборатории в США общаются на 20-25 языках, — говорит Александр Викторович, сделав глоток кофе. — Россия очень большая, важная и любимая мною страна. С ней меня связывают язык, культура, мои предки. Красноярск — второй сибирский город, где я побывал, после того как стал работать по мегагранту. Впервые в Сибирь я приехал полтора года назад, это был Томск.

Не скрою, хотелось побывать недалеко от тех мест, где когда-то умерла в Мариинском лагере мамина бабушка. Тогда же я съездил и в Асино, где совершенно случайно обнаружил своих дальних родственников.

Как и мой отец — академик Виктор КАБАНОВ, — я выпускник химфака МГУ. Все годы работы в США продолжаю сотрудничество с этим вузом в разных областях. Я также вхожу в совет Минобрнауки РФ, возглавляемый академиком Алексеем ХОХЛОВЫМ. Убеждён, что в стране нужно развивать научную мобильность, и молодые учёные должны перемещаться, чтобы учиться, работать, совершенствоваться там, где есть лучший опыт. И... иметь возможность возвращаться.

— Вы стали активно работать с Россией с 2010 года, когда появилась программа мегагрантов. Что за это время изменилось в нашей науке?

— Программа позволила привлечь в Россию целые научные области, в том числе наномедицину, которая не была здесь представлена в значительной мере. Кстати, программа продолжается и сегодня, Минобрнауки РФ финансирует ряд грантов и сейчас проводит конкурс на новые лаборатории.

Одна из проблем России — наука сосредоточена в небольшом количестве центров, что кардинально отличается от ситуации на Западе. Например, в Америке по всей стране большое количество сильных университетов, где проводятся передовые научные исследования, и можно найти выдающихся специалистов, лаборатории, технологии. Этот потенциал не сосредоточен в одном-двух городах, а распределён по всей территории США. Я прожил много лет в таком «Красноярске» Соединённых Штатов — городе Омаха (штат Небраска), который очень полюбил. Там тоже делалась и делается существенная наука. Наблюдая это, я проникся идеей укрепления науки и в регионах России, поэтому при любой

возможности стараюсь ездить по стране, изучаю ситуацию, общаюсь с молодёжью. Побывал в Казани, Волгограде, Ростове-на-Дону, Твери, Томске и других городах.

Более года назад президент РФ пригласил к себе 10 мегагрантников, в том числе и меня, и на той встрече прозвучало, что программа мегагрантов будет продолжаться. Речь также шла о том, что России не хватает не только научной мобильности, но и карьерной лестницы для молодых учёных, поэтому после защиты кандидатской диссертации они вынуждены оставаться в своих лабораториях и подолгу ждать, пока их научные руководители не выйдут на пенсию. Но к тому времени они уже и сами теряют потенциал. В России нет передвижения научных кадров, характерного для американской науки. В США, обучаясь в одном университете, вы едете защищаться в аспирантуру в другой вуз, получаете там новые знания, а потом, после защиты диссертации, делаете постдок в третьем университете. Тем самым набираете исключительно важный опыт в областях, которые выбираете сами, что необходимо для работы на острие современной науки. Мы это объяснили Владимиру ПУТИНУ и предложили сделать Президентскую программу, в том числе конкурс для постдоков, который стимулировал бы их мобильность.

— И что в результате?

— Программа и конкурс появились очень быстро. В частности, в РНФ поступило около 2,5 тысяч заявок на 500 с лишним мест и грантов для постдоков и ещё сотни заявок на гранты для молодых руководителей групп. Организаторы этой программы надеялись, что молодой человек или девушка, скажем, из Красноярска, защитив кандидатскую диссертацию, захотят поехать, например, в МГУ или куда-то ещё по стране как постдоки, и специально предусмотрели такую возможность. Но оказалось, что из 2,5 тысячи подавших заявления всего порядка 12 человек готовы сменить регион, хотя для них была заложена зарплата — два миллиона рублей в год!

— О чём это говорит?

— Можно сделать вывод, что пока отсутствует культура научной мобильности, люди по-прежнему держатся за место, где они живут, и боятся перемещаться по стране, потому что не существует инфраструктуры для поддержки тех, кто потом возвращается. Для создания всего этого

нужно время и усилия, в том числе со стороны руководства регионов. Кроме того, отсутствует информация и понимание важности того, что нужно перемещаться из места в место, чтобы приобрести новый опыт.

В Красноярск я приехал, чтобы расширить собственное представление обо всей России и понять, что ещё необходимо создать, чтобы стимулировать научную мобильность. У нашей научной диаспоры (учёных, занимающихся исследованиями за рубежом, многие из которых стали приезжать и работать в России) есть идеи, как это сделать, и желание повлиять на усиление российской науки. По дороге наверх ещё много ступеней, и их важно пройти.

— Александр Викторович, вы посетили уже несколько российских городов, побывали в университетах — поделитесь впечатлениями?

— Российские университеты остаются достаточно сильными в классических областях. Если говорить о рейтинге американских университетов, то если нет сильной биомедицины и инженерии, это считается слабостью. Отсутствие или недостаточное развитие этих двух направлений — одна из главных проблем тех замечательных университетов России, которые я посетил. Это, похоже, отражение общей ситуации.

В СФУ в области биоматериалов очень сильная кафедра и группа учёных, известная на всю страну и за рубежом. Но один в поле не воин. Если посмотреть с высоты птичьего полёта, то видно, как сильно российские университеты отстают от американских в области медико-биологических исследований.

Ещё одна проблема — несмотря на значительный прогресс за последние годы система грантовой поддержки исследований и независимая экспертиза нуждаются в дальнейшем улучшении, и есть даже учёные, выступающие против такой системы. Но в современной науке писать гранты необходимо — это питает конкурентную науку, которая в России не так сильно развита.

— Лаборатория под вашим руководством известна работами в области наномедицины. Некоторые идеи ещё совсем недавно воспринимались как фантастика...

— Сегодня уже вошло в клиническую практику использование полимерных мицелл для доставки лекарств, которое мы когда-то предложили. Один такой лекарственный препарат

сейчас применяется в клиниках для лечения рака, и многие другие на подходе. Сейчас меня очень интересует использование наночастиц для доставки лекарств в мозг. Эта задача была поставлена уже давно, и наша первая совместная работа с академиком Владимиром Павловичем ЧЕХОНИНЫМ почти 30 лет назад как раз об этом. Но задача оказалась невероятно сложной. Сейчас мы много работаем над использованием экзосом (*это микроскопические пузырьки, выделяемые клеткой — примечание автора*).

Мы обнаружили, что экзосомы идут в мозг и могут нести туда терапевтические белки. Причём при воспалении, вызванном заболеванием мозга, идут туда даже лучше.

Открываются новые перспективы в лечении болезни Паркинсона и других заболеваний мозга, например, тяжёлых метаболических заболеваний, связанных с недостатком определённых ферментов.

Если говорить совсем уж из области фантастики, то мы пытаемся использовать и клетки для доставки нанолечекарств. Меня чрезвычайно интересует — и это связано с моей деятельностью в России — возможность управления данными клетками. Но управления не с точки зрения, куда они пойдут (они сами знают, куда идти), а чтобы на расстоянии передавать им информацию. В идеале желательно создать такую систему, чтобы мы могли проследить, что клетка прошла, куда нужно, и потом дистанционно её включить. Для указанной цели мы стали использовать магнитные наночастицы и обнаружили в процессе совместных работ в российской и американской лабораториях, что с помощью низкочастотных меняющихся электромагнитных полей можно эти наночастицы заставлять механически двигаться. Это может помочь прицельно убивать раковые клетки.

У нас очень интересные вещи уже стали получаться, и кое-что мы опубликовали, а то, что ещё не опубликовано — гораздо интереснее.

— Тот факт, что вы работаете одновременно в России и США, помогает продвижению идей?

— По поводу магнитных наночастиц идея родилась ещё в Америке. А когда я приехал в Россию, возникла возможность взаимодействовать с физиками, которые очень хорошо понимали в магнитных частицах и в электромагнетизме (я-то всё-таки химик!), и вот на этом взаимодействии много чего получилось. Учёные в Тамбовском государственном университете во главе с профессором Юрием ГОЛОВИНЫМ создали небольшую компанию и стали делать установки, предназначенные для правильной электромагнитной активации наночастиц. Сначала мы эти приборы поставляли в МГУ, потом в другие лаборатории в России, а потом стали закупать для моей лаборатории в США. Недавно у меня в Северной Каролине был специалист от тамбовской компании, наблюдал за нашими экспериментами, чтобы понять, как сделать приборы ещё более совершенными. Вот вам и взаимопроникновение инженерного аспекта в науку!

А буквально пару месяцев назад мы получили совместный грант Национального института рака США и РФФИ, который финансирует наши совместные исследования в области наномедицины (речь о доставке магнитных наночастиц с помощью антител в раковые клетки для их уничтожения). Работы по гранту рассчитаны на три года. Каждая страна финансирует свою лабораторию, а в итоге выигрывают обе стороны.

Кстати, один из моих молодых коллег, работавший в нашей мегагрантовой лаборатории в МГУ — доктор химических наук Александр МАЖУГА, организовал свою лабораторию, занимающуюся указанными выше вопросами в Московском институте стали и сплавов (МИСиС), а теперь он возглавил Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева, один из старейших химико-технологических вузов страны. С точки зрения долгой перспективы — может быть, именно магнитно-механический подход и результаты этой идеологии окажутся наиболее значимым вкладом нашего мегагранта в развитие российской науки.

Хранители

(Окончание. Начало на стр. 12)

«Доброуважаемая мамаша...»

— А его старший брат Андрей?

— Андрей учился в Горьком, в мединституте, и был призван в армию в 1939 году со второго курса. Он попал на флот и окончил школу подводников, а в начале 1941 года получил назначение на подводную лодку в Крым. Командовал отделением автоматчиков и в 1942 году пропал без вести при обороне Севастополя.

Образ Андрея-подводника — одно из ярких впечатлений моего детства. Я представлял его себе матросом с картины ДЕЙНЕКИ. Матрос в белой робе на фоне чёрного неба... Извещение о том, что дядя пропал без вести, датировано 28 июля 1942 г., как и огромное количество таких же посланий. Тогда погибли очень многие защитники города. По сути, моряки оказались отрезаны от средств эвакуации, хотя об этом не принято говорить. Я бывал в Севастополе и слышал рассказы о том, почему прибрежная полоса у мыса Херсонес белого цвета. Она стала белой от человеческих костей...

Среди документов, оставшихся у бабушки, я нашёл письмо, адресованное её сестре Татьяне: «Добрый день, доброуважаемая мамаша. Большое спасибо за заботу о вашей дружбе с вашим сыном...». К письму была приложена фотография с надписью на обороте — «Мамаше любимого друга Андрюши от ГУРЕНКО. 1940 год». Этот парень по имени Ильи учился вместе с Андреем. После окончания школы Андрея отправили в Севастополь, а его друга — на строящуюся подводную лодку в Николаев. В базе данных «Подвиг народа» я прочитал, что лодка с таким номером участвовала в боевых действиях и в 1944 году была торпедирована и затонула. Погиб весь экипаж, больше 40 человек, включая Илью Гуренко. На сайте перечислены все фамилии, но фотографии есть всего у нескольких. Я отправил им снимок Ильи. У этого парня не было ни жены, ни детей, обрезанная ветка... Пусть хотя бы лицо его останется в памяти.

Братья

— Когда вы начали собирать семейные архивы?

— В 2000-х. Мой отец, Борис Георгиевич Сизов, был преподавателем Технологического института, работал на кафедре водного транспорта. Он всегда интересовался историей, увлекался фотографией и отличался поразительной памятью на мелкие детали. Живя на берегу Енисея, он мог, например, изобразить

гудок каждого из пароходов, прибывшего с Севера. Отец хорошо знал и город — в доме скопилось много материалов об истории Красноярска, — но не стремился как-то структурировать свои знания.

Зато родной брат отца, Леонид Георгиевич Сизов, написал трилогию о прошлом города. Мой дядя — почётный гражданин Красноярска, был вторым секретарём крайкома КПСС, работал вместе с Павлом Стефановичем ФЕДИРКО, принимал участие во всех больших индустриальных стройках и написал о них.

Когда в 2003 году отец умер, маме, Галине Николаевне, было очень тяжело. И она, чтобы отвлечься, продолжила папино дело, но уже с иным подходом — систематизировала оставшиеся от отца архивы. Начала писать статьи...

Мама преподавала в Красноярском радиотехническом техникуме. Затем из её статей об истории Красноярска родились книги... Меня она просила помочь с их изданием, с фотографиями. И однажды, разбирая папины бумаги, я обнаружил целую коробку с негативами. Я оцифровал эти снимки — около полутора тысяч, среди которых оказались уникальные кадры Красноярска 40-50-х годов (*именно эти фото иллюстрируют текст — ред.*). А после стал собирать по таким же семейным архивам фотоизображения старого города. Оказалось, здесь столько можно найти!

Утеряно безвозвратно

— Есть ли у вас в Красноярске любимые места?

— Раньше я очень любил район Стрелки. Но сейчас она уже совсем не та — после того, как там выстроили кинокомплекс. И это в самом красивом месте города, откуда открывался такой простор! Всё утеряно безвозвратно.

Теперь на Стрелке собираются вдобавок поставить собор. Отношусь к этому отрицательно. Поднимать духовность населения, безусловно, надо. Но строя роскошные храмы, мы способствуем не единению, а, напротив, разобщению людей.

— Николай Борисович, кому вы передадите свою роль хранителя истории?

— Об этом не думал, Когда не смогу, за дело возьмутся дети. Или внуки. В своё время я способствовал передаче в краевой архив документов и бумаг Леонида Сизова. Нам предстоит заняться разбором того, что собирала мама. Там очень много материалов, фотографий, огромные подборки газетных вырезок разных лет, очень ценные документы минувшей эпохи.

Тренировка студентов Лесотехнического института на Караульной горе

Автор _ Вера КИРИЧЕНКО

Документальный театр Александра ФИЛИППЕНКО

Услышать и увидеть воочию человека, олицетворяющего собой целую эпоху, человека-легенду — большая удача. В октябре в Красноярске давал представление великий актёр; обаятельный, харизматичный, любимый несколькими поколениями народный артист России Александр Филиппенко. Как только его не нарекали коллеги-журналисты: звезда команды КВН московского физтеха, шестидесятник, великолепный знаток классики, талантливый декламатор, самый запоминающийся кинозлодей, человек-театр.

Весь вечер Александр Георгиевич читал отрывки из произведений ЗОЩЕНКО, АВЕРЧЕНКО, ПАСТЕРНАКА, АКСЁНОВА, ЖВАНЕЦКОГО, ВЫСОЦКОГО, ОКУДЖАВЫ, ЛЕВИТАНСКОГО, ДОВЛАТОВА. Моноспектакль «У автора в плену» должен был разбудить литературную память, и люди действительно вели диалог с актёром во время спектакля, а после, уже за кулисами, признавались ему в любви. Не показывая усталости после двухчасового пребывания на сцене, он отвечал на вопросы поклонников и продолжал «нелегальный» поэтический вечер, но уже в гримёрке.

Как подметил актёр, его нынешний приезд в наш город совпал с Всероссийским днём лицеиста, и это символично, ведь из Царскосельского лицея вышли и ПУШКИН, и КЮХЕЛЬБЕКЕР, и ПУШИН. На протяжении всего спектакля актёр как бы перелистывал одну за другой литературные страницы другой эпохи — советской, и постоянно вырисовывалась очень нелёгкая, полная драматизма судьба российского государства, поданная с иронично-исторической точки зрения. Нельзя сказать, что все в зале были готовы к такому интеллектуальному тренингу. Моноспектакль Филиппенко — не только отдых и смех, но и труд.

Поздний вечер. Автографы и фотосессия позади. Актёр пьёт горячий чай, и есть несколько драгоценных минут для общения.

— Александр Георгиевич, вы читаете серьёзные, почти философские тексты и одновременно сатиру. Как подбираете материал, когда и какой писатель пришёл в вашу жизнь?

— Главное для меня, что до сих пор эти авторы живут на сцене благодаря зрителям и актёру, который их читает. И когда я произношу их тексты на публику, то всегда чувствую, как ОНИ наверху следят за мной. У меня есть, например, портрет Довлатова, и всегда перед концертом мысленно извиняешься перед ним за то, что сокращаешь его текст, редактируешь для сцены.

— А почему «У автора в плену»?

— Так это всё у Пастернака написано: «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну. Ты вечно-сти заложник у времени в плену». А вот актёр — он у автора в плену, то есть я — переводчик с авторского на зрительский. А зрителю важно что? Помните, как у Юрия Левитанского?

«Мне жаль не узнанной до времени строки.

И всё ж строка — она со временем прочтётся,

И перечтётся много раз, и ей зачтётся,

И всё, что было с ней, останется при ней...»

Не пролистнуть нетерпеливою рукою, а задержаться, прочитать и перечесть. А вот что останется сегодня в головах зрителей после спектакля — это и есть моя сверхзадача.

« Александр Филиппенко снялся более чем в 80 фильмах. Сыграл целую галерею злодеев, бандитов и бессмертных Кашеев. Снимался в художественных фильмах «Рождённые революции», «Там на неведомых дорожках», «Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты», «Мой друг Иван Лапшин», «Наш бронепоезд», «Визит к Минотавру», «Мастер и Маргарита» (роль Коровьева), «Мастер и Маргарита» (роль Азazelло), «Карьера Артура Уи» и других.

— Александр Георгиевич, всегда ли слушатели принимают юмор?

— Всегда! Я слежу, какая публика приходит. Если хорошая афиша и написано: Зощенко, Платонов, Довлатов или Аксёнов, Высоцкий Окуджава, Левитанский — то всё в порядке, и приходят на мой спектакль те, кому надо прийти. Родители приводят 15-летних детей, и через 10 минут мы вместе рассуждаем о жизни, слушая наших великих поэтов и писателей.

— К какому автору сейчас подбираетесь?

— Вацлав ГАВЕЛ — последний президент Чехословакии и первый президент Чехии, писатель, драматург, диссидент. Неделю назад я читал его одноактные пьесы в Москве, в одном клубе, где собираются милые, интеллигентные, умные люди. Программа называлась «Трибют», то есть дань уважения. И был трибют Вацлаву Гавелу.

— Вы были знакомы со многими людьми, ставшими впоследствии символами эпохи. Что вспоминается?

— Я благодарен судьбе за эти встречи в 60-70-е годы. Это были прекрасные, я бы сказал, лучшие люди: Юрий Петрович ЛЮБИМОВ, Анатолий

Васильевич ЭФРОС, Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН, Ролан Антонович БЫКОВ, Владимир Высоцкий, Михаил Александрович УЛЬЯНОВ ... Многие. Жалею только, что их нет сейчас с нами. Но им за меня не стыдно, я уверен. Ещё школьником я застал время, когда ЕСЕНИНА называли кулацким поэтом, и была для всех какая-то «непонятная» АХМАТОВА, а про ЦВЕТАЕВУ и Андрея Платонова вообще никто не знал. О Зощенко в те годы писали, как о каком-то подонке от литературы. И это всё не сон...

— Вы работали с Михаилом ЖВАНЕЦКИМ...

— Мы знакомы уже очень давно. Михаил выходец из одесского театра «Парнас-2». В этом театре работали и Роман КАРЦЕВ с Виктором ИЛЬЧЕНКО. Там в середине 60-х годов прошлого века проходил знаменитый фестиваль студенческих театров, и Аркадий РАЙКИН был председателем жюри. Помню, как Жванецкий приехал к Райкину на передачу «Вокруг смеха». Именно в этой программе мы впервые вышли вместе на сцену — я с монологом по мотивам пьесы Виктора СЛАВКИНА, а Жванецкий со своим монологом про честных людей. Снимали мы это летом, но все вокруг говорили: ладно-ладно, в эфир пустим после ноябрьских праздников. Это всё забытые реалии... А вот вам из Жванецкого: «И после того как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи. Что спать на воздухе лучше. Что жить среди зелени лучше. Что надо поднять упавшего. Что надо впустить в дом переночевать ... Смеяться, если смешно. Громко. Плакать, если больно. Тихо...».

Время идёт, и постоянно в воздухе повисают проблемы. В застойные 70-е Жванецкий написал о турникетах: «В конце каждой улицы поставить турникеты. Да просто так. Пусть пока пропускают. Только треском дают знать». А сейчас смотришь — всё в шлагбаумах... Какие-то вещи уже совершенно не понять современной молодёжи, например: «Извините за посещение нашего магазина, простите за покупку — забудьте этот ассортимент!»...

— За моноспектакль «Мёртвые души» по ГОГОЛЮ вы получили Государственную премию. Показываете ли вы его сейчас и насколько актуально прочтение классика в наши дни?

— Очень актуально. Приходят люди и говорят: 200 лет прошло — ничего не изменилось; как быть? Я отвечаю: вот и думайте, главная моя задача в том и состоит, чтоб вы думали. Спектакль в том виде, как он когда-то был, я уже не играю, но есть концертный вариант в сопровождении

оркестра — «Мёртвые души» Гоголя (последние главы) и «Гоголь-сюита» ШНИТКЕ.

— «Гоголь-сюита», кстати, включена в программу 7 класса обычной гимназии. Могут ли дети в таком возрасте постичь столь непростое музыкальное произведение?

— Смотря кто будет объяснять!

— Есть ли разница в работе с текстами классиков и современников?

— Всегда есть ответственность, в этом всё дело. Однажды у меня был концерт в Тольятти (там, кстати, замечательная филармония). Программа называлась «Классика на Волге». Оркестр играл «Гоголь-сюиту» Шнитке, а я читал Николая Васильевича. Утром всего одна репетиция, оркестр — 80 человек... А вечером концерт. Полный зал, третий звонок. Подходит ко мне дирижёр и говорит: «Там, наверху, они уже постелили салфеточки, разлили по рюмочкам — и Шнитке, и Гоголь. Давай для них сыграем!». И как-то сразу стало легко и свободно, и мы для них сыграли. Был большой успех.

Сейчас я делаю только то, что мне нравится. Да, за свободу надо платить — это трудное дело, но все программы — мои любимые. Их много, я уже со счёта сбился. Каждый год 30 октября, в День памяти жертв-политзаключённых, играю «Один день Ивана Денисовича». Это Александру Исаевичу СОЛЖЕНИЦЫНУ принадлежат строки:

Когда я горестно листаю
Российской летопись земли,
Я тех царей благословляю,
При ком войны мы не вели.
При ком границ не раздвигали,
При ком столиц не воздвигали,
Не усмиряли мятежей, —
Рождались, жили, умирали
В глухом кругу, в семье своей.
Мне стали по сердцу те поры,

Мне те минуты дороги,
Те годы жизни, о которых,
Ища великого, историк
Небрежно пишет две строки.

Написано в 1948 году, когда автор сидел в тюрьме. Совсем скоро, седьмого и девятого декабря, играю в спектакле Дмитрия Крымова «Последнее свидание в Венеции» по роману ХЕМИНГУЭЯ, а десятого надо ехать в Питер — моё посвящение Иосифу БРОДСКОМУ. В этом году исполняется 30 лет с тех пор, как поэта наградили в Стокгольме Нобелевской премией. «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» — помните, о чём это он?

— Суд был над ним в 1964 году, обвиняли в тунеядстве....

— «Где вы работаете?» — спросил судья. «Я поэт». «Это не работа — вы тунеядец». И... в Архангельскую область его, в ссылку. Спустя время, на своё 40-летие, Бродский напишет: «...Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна, надевал на себя что сызнава входит в моду, сеял рожь, покрывал чёрной толью гумна и не пил только (во время спектакля обычно делаю здесь паузу, а в ответ — тишина, не всегда в зале находятся те, кто помнит продолжение)... сухую воду».

— Что бы вы ответили молодому человеку, мечтающему стать актёром. Стоит ли?

— Нет, если спрашивает — то не стоит! Тот, кто действительно мечтает — тот не спрашивает. Никого уговаривать не стану, тем более что престиж профессии очень упал. Сейчас актёров воспринимают как «обслуживающий персонал». Обслуживают сериалы, обслуживают корпоративные вечеринки... Михаил ЧЕХОВ говорил: спектакль состоялся, если облако повиснет между зрительным залом и сценой, потому что эмоционально раскрылись и зрители, и актёр. В этом облаке и происходит обмен энергией. Самое опасное — это то, что сейчас играют в сериалах: предлагаемый

Никогда раньше, и вот опять

Вроде бы ежегодно КРЯКК поражает нас обилием ярких гостей и предлагаемых событий. Но встречи на нынешней ярмарке просто били рекорды — так интересно, кажется, никогда не было. Конечно, читатник выставки мог быть гораздо длиннее, но что успелось.

Проклятие выполнимо

Одной из самых интересных личностей на КРЯКК оказался Егор МОСТОВЩИКОВ, бывший главный редактор Snob.ru и основатель самиздата «Батенька, да вы трансформер». На импровизированной планёрке, где Егор давал советы редакторам новосибирского сайта «Конвертер», он рассуждал о темах и миссии СМИ.

>> Война — не тема. Тема не так устроена. К ней надо подходить с тезисом, вопросом, даже загадкой... Тема — это история, в которой есть путь из точки А в точку Б.

>> Некоторые называют миссией то, что я называю проклятием. По той причине, что издание вечно будет ему подвержено, поскольку на это нацелено и заточено. Проклятие — понимание того, что ты хочешь сделать.

Их родители сгорели в печах

Когда израильский художник Саша ГАЛИЦКИЙ рассказал о том, чем он занимается и чему посвящена его книга «Мама, не горюй», на какой-то момент воцарилась тишина. То, что он делает — а он, бросив престижную должность дизайнера, вот уже 15 лет проводит мастер-классы резьбы по дереву в домах престарелых, — так внятно ставит вопрос о приближении к смерти, что спрашивать здесь о каких-то банальностях невозможно.

>> Клиентов моей школы можно назвать не-успевашками; их недоделанные дощечки остаются у меня на руках, когда автор уже не с нами.

>> Среди моих подопечных есть люди из списка Шиндлера. Есть пережившие Хрустальную ночь. И ты понимаешь, что на самом деле история рядом и происходит с нами каждую секунду.

>> Для меня человечество делится на две категории. Одним, когда случается несчастье, нужно отойти. Но есть и те, кому надо приблизиться.

Хайп и зашквар

Автор уже популярных книг о русском языке Ирина ЛЕВОНТИНА рассказала о целом списке словечек из молодёжного сленга. Ну, вы-то знаете, что значит рафлить, хайп и зашквар (кататься со смеху; ажиотаж; отстой). А как вам фраза сына, обращённая к маме: «Братюнь, чё за негатив?». Кстати, подтверждает тезис автора, что обращения стали применяться, как унисекс (например, слово «чуви́ха» почти ушло, зато «чувак» активно, причём обозначить им могут и парня, и девушку).

>> Речь связана с идентичностью человека, и когда что-то происходит с языком, кажется, что мир рушится. Особенно, когда это говорит собственный ребёнок. А простая вещь перевода, дающая возможность общения со своими детьми, почему-то в голову не приходит.

Таджик со стеком

Никто не слышал о писателе Владимире МЕДВЕДЕВЕ — и вдруг явился на свет роман «Захлок», претендующий на звание лучшей книги года. Значительную часть диалога с литературоведом Галиной ЮЗЕФОВИЧ автор говорил о том, что представляет из себя роман по тематике, содержанию, жанру. Так, писателя огорчает, что на Озоне книга помещена в раздел исторических. Далее — «это роман не о гражданской войне в Таджикистане, а о разломе, когда внезапно обнажились все механизмы внутреннего взаимодействия». И главное, роман не постколониальный, как настойчиво предлагала считать Юзефович.

>> Это роман про крах империи, но не постколониальный. Потому что СССР был очень странной империей, он не имел метрополии. Точнее — метрополии были на окраинах. Как, впрочем, происходит и сейчас, когда какая-нибудь горная республика имеет свой парламент, свои представительные органы и другие признаки государственности, о которых и не мечтают ни в одном штате демократических США. Признак колониальности — отношения представителей метрополии к населению. Так вот у нас стеком погонял таджик.

типаж... Вот где кроется опасность для молодых ребят. Играть надо, пробовать, сниматься, но в то же время не забывать, что есть и глубже роли, что есть подтекст. Это важно увидеть, а «не пролистнуть нетерпеливою рукой...». А самый большой мастер подтекста, гигант — Хемингуэй, там без понимания судьбы, жизненного опыта ничего нельзя сделать.

— Театр, кино или эстрада?

— Три разные планеты. В театре всё происходит здесь и сейчас, на глазах у зрителя, поэтому ходите в театр и будете долгожителями. Если это хороший спектакль — вы сопереживаете вместе с актёрами и проживаете ещё одну жизнь. В кино всё перемонтируют и переозвучат. А эстрада хороша тем, что ты один перед публикой, и, как говорил Жванецкий, до ближайшей кулисы — пять метров... Вот тут и выясняется — можешь ты что-нибудь или нет... В студенческие годы, ещё в домасляковский период, капитан нашей команды КВН всегда предупреждал: «Слово не воробей — поймает и вылетит...». Но и сегодня можно шутить, и снова из Жванецкого: «Нет, товарищи, для нас важно, кто сказал и что он ещё собирается сказать. Его творческие планы. Это особенно важно. Если кто-нибудь его встретит, позвоните, пожалуйста, в районное отделение культуры в любое время суток — мы тоже хотим посмеяться...».

— Какая замечательная крылатая фраза подошла бы для описания сегодняшнего времени?

— Пожалуй, снова из Жванецкого: «В мире ещё существуют люди, которых интересует игра ума. Из них некоторых интересуют размышления. Из них некоторые интересуются сомнениями, что даёт нам огромную возможность надеяться». Вот на этой позитивной ноте мы и закончим!

Как действует вентилятор

Дискуссию о сериалах про антиутопическое будущее хотелось послушать из-за заявленных к обсуждению «Чёрного зеркала», «Рассказа служанки» и др. Но ведущий начал с сериала Ю. БЫКОВА «Спящие». Коллективный вердикт сидящих на сцене критиков поразил. Пусть он останется на их совести.

>> Фильм МОГ БЫ БЫТЬ ХОРОШИМ, ЕСЛИ БЫ ЕГО СНЯЛИ В ЛЮБОЙ ДРУГОЙ СТРАНЕ. А в России он ложится на наш менталитет, и получается гремучая смесь.

>> У нас плохие сериалы, потому что плохие режиссёры, плохие сценаристы, плохие актёры и плохие зрители. Вот только критики хорошие.

«Мы бегаем медленнее кошки и даже медленнее мышки»

То, что антрополог Станислав Дробышевский, редактор портала Антропогенез.ру, популярен, стало ясно, когда мест для присутствующих его послушать заметно не хватило. Он рассказывал о том, какие изменения может претерпеть человек как вид в зависимости от того или иного сценария будущего.

>> Человечество деградирует до помоечных обезьян.

>> Мозги усыхают более быстрыми темпами, чем наращивались за миллионы лет до этого.

Налетай, народ

Куски из своей книги «Библия бедных» журналист, писатель и бард Евгений БАБУШКИН чередовал с исполнением собственных песен — своеобразных зонгов в стиле Бертольда Брехта. Впрочем, автор называл их псалмами. Выглядит претенциозно, но было предельно искренне, и если имени Бабушкин вы до сих пор не знали — поищите в сети его «Гитлер-блюз» или «Революция».

>> У каждого человека есть точка бедности. Я ловлю людей в эти моменты.

>> Как и все, кто в 90-е пережил достаточно хреновое время, я завидовал тем, кто пережил настоящий ад.

Записывала Валентина ЕФАНОВА

Текст _ Александра КАЗАНЦЕВА

Какая главная цель у инженера?
Овеществление мыслей!

Ваше Ракетчество

Красноярский детский технопарк «Кванториум» напоминает научный институт из повести СТРУГАЦКИХ. Здесь тоже понедельник начинается в субботу, всегда кипит жизнь, а сотрудники по-настоящему увлечены своим делом. С одним из них, преподавателем «Космоквантума» Андреем ПИРОГОВЫМ, которого обожают ученики, а коллеги уважительно называют «Ваше Ракетчество», мы поговорили о современном образовании, опасностях ютюба и особенностях инженеров.

— Андрей, среди российских учителей исчезающе малое количество мужчин. Почему ты выбрал для себя педагогическую стезю?

— Мне нравится обучать, я получаю от этого удовольствие. Это главный принцип, чем бы я ни занимался. Как-то на корпоративе прозвучало: «Ой, и здесь вы про работу!». Я тогда чётко для себя сформулировал: не хочу работу, о которой нет желания говорить за её пределами.

— Уже в школе понимал, что педагогика – это твоё?

— Конечно, нет. По первому образованию я инженер-конструктор. После школы поступил на специальность «Ракетостроение» Аэрокосмического университета. Честно говоря, я тогда не очень серьёзно отнёсся к выбору будущей специальности: просто перешёл через дорогу от дома. Это был ближайший вуз, который не вызывал отторжения.

— А если бы через дорогу оказался торговый институт или гуманитарный вуз?

— Нет, ни в коем случае! Гуманитарные направления я в принципе не воспринимал, торговля – тоже явно не моё. Мне нравилось играть с конструкторами, придумывать какие-то штуки. Перед глазами был пример – папа, который, несмотря на отсутствие высшего образования, неплохо разбирался в радиотехнике, выписывал журнал «Радио» и вообще был золотые руки. У меня очень яркие воспоминания из детства, когда папа брал меня с собой на работу, и я с ним, как на верёвочке, по всему заводу следовал. Заворожённо рассматривал огромные механизмы, с которыми работали люди. В детстве играл с наборами лего, трансформеров вперемешку с папиными микросхемами, деталями магнитофонов, телевизоров и т.д. – все они органично вписывались в сказочные мирки, которые я создавал. Поэтому, когда встал вопрос о будущей специальности, выбора не было – она должна быть связана с конструированием.

— Предполагалось, что ты будешь служить в каком-нибудь КБ?

— Да, но сначала я год провёл в армии на Дальнем Востоке. Вот пример нерационального использования ресурсов: я отучился 5,5 лет в вузе, готовый специалист трёхмерного твёрдотельного моделирования, прихожу в военкомат, там спрашивают о специальности. Инженер-ракетостроитель, говорю. Они зависли на некоторое время, потом: а права автомобильные есть? – Есть, категории В и С. – Ну всё, автомобильные войска!

Год я был водителем-гранатомётчиком. Так что как специалист Родине я тогда не помог, но как человеку мне армия многое дала. Во-первых, за госсчёт попутешествовал по Дальнему Востоку, познакомился с интересными людьми, с которыми до сих пор общаемся. Узнал, что, оказываясь, могу весить больше 72-х килограммов! У меня тогда даже щёки появились. И это было испытание самого себя на прочность. Сегодня в каких-то сложных ситуациях говорю себе: ничего, в армии бывало и похуже, но справился же. Армия приучает к самостоятельности и даёт абсолютную уверенность в том, что ты не пропадёшь.

А месяца за три до дембеля я начал узнавать у однокурсников, контакт с которыми поддерживал всё время, о вакансиях по специальности. Многие работали в компании «Информационные спутниковые системы им. М.Ф. Решетнёва». Это огромное предприятие, о таких с детства у меня были самые классные воспоминания. И мне хотелось быть частью чего-то большого. Меня приняли, это была первая работа, и я спешил применить на практике все знания.

Помню, нужно было соорудить крестовину, которая бы удерживала блок с аппаратурой весом в 400 кг на высоте пяти метров над землёй.

«

Начальник мне сказал: «Андрей, металл нужно чувствовать, ему нужно доверять». Я думаю: вам-то легко, у вас опыт, а мне бы всё просчитать да перестраховаться. Аппаратуру на протяжении четырёх лет учёные разрабатывали, собирали. И вдруг из-за меня всё это навернётся? Переживал тогда ужасно, звонил из дома коллегам: там ничего не упало? Нет, всё нормально.

»

Как-то неделю монтировали оборудование в безэховой камере. Очень странные ощущения. Помещение размером с несколько школьных спортзалов, стены покрыты специальным радиопоглощающим материалом. Мы все привыкли

к эху, слышать его – комфортно, оно есть в любом помещении. А тут в огромном помещении нет эха. Совсем. Очень давило на психику. Слышно было только собственное сосредоточенное сопение и такое же – напарника. Короткие фразы. И полное безмолвие. Когда выходили на улицу, поражались, сколько разнообразных звуков: машины едут, птицы щебечут, люди говорят.

Здорово было. Но через полтора года я уволился.

— Почему?

— Как сказал наш ведущий инженер, инженер-конструктор никогда не сделает карьеру: если он хорошо конструирует, зачем его продвигать – он тут нужен. Если плохо – тем более.

Уволился в мае. Помню, вышел с завода, дверь за моей спиной закрылась, и ударил первый майский гром, первый дождь. Я стою, дышу полной грудью и понимаю, что, скорее всего, никогда больше сюда не попаду. На эту огромную территорию, где столько друзей, где я всё знаю. Этот мир для меня закрылся. Было немного грустно, но понимал, что впереди должно быть что-то не менее интересное. Я уже знал, куда пойду – на мебельную фабрику «Мекран».

— Радикальная перемена. Работал со спутниковыми системами и вдруг – с мебелью.

— Я же инженер-конструктор. То есть могу работать практически в любой сфере. Есть такой анекдот: собрали математика, физика и инженера и предложили им вычислить объём маленького резинового красного мячика. Математик измерил мяч и по формулам вычислил объём, физик погрузил мяч в таз с водой и по объёму вытесненной жидкости рассчитал объём. А инженер взял справочник объёмов маленьких резиновых красных мячиков... Если я чего-то не знаю, то всегда найду, где эту информацию добыть. Для конструктора не имеет значения материал, с которым он работает.

Инженера отличает особый взгляд. Я каждый раз, когда решаю очередную задачу, вижу её элементы повсюду. Какая главная цель у инженера? Овеществление мыслей! Мне нравится, как информация передаётся от конструктора к исполнителю.

То есть я придумал деталь, она есть у меня в голове, но как передать её другому человеку? А есть определённый набор правил, и другой технарь может тебя понять и воспроизвести в любом конструкционном материале. Металле, дереве, пластике – неважно.

— Прямо как материализация чувственных идей у Калиостро.

— Да! Причём сами инженеры могут быть скучными людьми, но их всегда будут толкать вперёд мечтатели. Расстояние первого полёта братьев РАЙТ было меньше, чем современный Боинг. То есть они пролетели несколько метров и упали, но это уже был полёт! Сейчас мы делаем самолёты, которые пересекают Тихий и Атлантический океаны. А пассажиры ещё и жаловаться будут, что wi-fi нет.

Для многих людей сегодняшняя техника — магия, потому что слишком сложно устроена. Вот ты знаешь, что происходит в телевизоре? Люди воспринимают его как данность. А это не данность, всё придумано в муках, озарениях и т.д.

Или сейчас в небольшой коробочке — компьютер, который 30-40 лет назад занимал собой целое здание. Помнишь цитату, которую приписывают замминистра Радиопромышленности СССР? «Рембля, хватит заниматься ерундой. Персонального компьютера не может быть. Могут быть персональный автомобиль, персональная пенсия, персональная дача. Вы вообще знаете, что такое ЭВМ? Это 100 квадратных метров площади, 25 человек обслуживающего персонала и 30 литров спирта ежедневно!». Нет, инженер — отличная профессия.

Когда «Мекран» обанкротился, я наткнулся в Интернете на информацию о музее науки «Ньютон Парк». Заинтересовался, поговорил с директором Антоном ШАРЫПОВЫМ. Антон — очень требовательный человек, как к себе, так и к другим. Он требовал настолько глубоких знаний физики от сотрудников, каких я не получил ни в школе, ни в университете, ни на работе.

В «Ньютон Парке» как инженер-конструктор я немного заглох, но как экскурсовод развернулся. Однажды пришлось вести группу в 50 человек, вымотался невероятно, держать аудиторию очень тяжело, но когда на выходе все благодарили, чувствовал, что всё не напрасно. И вообще, не зря же я в детстве пересказывал книги друзьям. Причём так, что ребята во дворе спрашивали: о, Андрюха, чё за фильм? А у меня даже видика не было. Но у меня в пересказах книг были такие спецэффекты, которые голливудским режиссёрам не снились.

И вот я нашёл новую радость для себя — объяснять людям, как всё устроено, потому что внезапно увидел, что большинство не понимает, как всё вокруг них работает.

— Отсюда и до педагогики недалеко...

— Первый опыт работы с детьми у меня был ещё на третьем курсе, я преподавал в центре довузовской подготовки и профориентации, был задействован в научно-практических конференциях, и мой научный руководитель Валентин Владимирович КОЛЫГА решил, что я готов для работы со школьниками.

Поначалу я просто бесился! Смотрел работы школьников и вскипал: всё неправильно, всё нужно переделать, как они этого не видят! Потом помогал детям писать работы, готовиться к научным конференциям, в жюри бывал и тоже получал от этого удовольствие: тут идея не овеществлялась, но прорастала, преобразовывалась. Приятно видеть, как зерно твоей идеи передано человеку, и он уже сам её трансформирует, развивает. Тогда я понял, что могу находить достаточно простые аналогии, объяснять доступно. Мне нравилось передавать знания.

Когда в Красноярске возникла идея создать детский технопарк, меня пригласили пройти конкурс в «Кванториум». Заполнял анкету, ни на что особо не надеясь. Вопросы были занимательные, и я понимал, что это очень неформальный живой проект. Например, «Как в вашем направлении деятельности можно использовать Буратино?». Вот тут фантазия развернулась! От возможности отправить деревянного мальчика для освоения других планет до специальной модели скафандра с выпуклостью для носа. Написал и забыл. А позже мне позвонил директор «Кванториума» Сергей КЕНИГ и предложил работать. Но сначала мы все прошли обучение в Москве, нас

познакомили с оборудованием, общей концепцией проекта. Одно из самых ярких впечатлений — выступление генерального директора Фонда новых форм развития образования, федерального оператора сети детских технопарков «Кванториум» в России Марины РАКОВОЙ. Она нас всех просто зарядила! Объяснила, для чего нужен этот проект.

— И для чего?

— Мы сегодня в некоторых отраслях науки, к сожалению, неконкурентоспособны. Если ничего не предпринимать, Россию скоро не будут рассматривать как соперника на рынках технологических поединков. Наша задача как преподавателей — изменить ситуацию. Мы действительно должны вырастить новую инженерную элиту, как бы ни пафосно это звучало. По-моему, достойная задача.

Несколько лет назад министр образования ФУРСЕНКО сказал, что мы должны «вырастить квалифицированного потребителя». Меня эта фраза до сих пор коробит. Потому что человек — не потребитель, а творец. Особенно ребёнок. Но как ему помочь?

Я не буду говорить, что мы такие мегакрутые и лучше всех. «Кванториум» ни в коем случае не заменяет ни школу, ни вуз. Это дополнительное образование, уровнем выше кружков и секций и немного в стороне от вузов и школы. Мы здесь не преподаватели, а наставники. Жизненный опыт дал мне уверенность в том, что я смогу разобраться с чем угодно. Эту уверенность я стараюсь привить своим ученикам. Не даю всю информацию на блюдечке. Заинтересовываю на занятии, какую-то часть дети ищут дома сами и на следующем занятии рассказывают всей группе.

У ребёнка картина мира — с огромными дырами. И есть прекрасный период, когда он становится почемучкой, тогда важно ему показать, что можно наслаждаться новыми знаниями, процессом их получения.

Когда я в детстве спрашивал у отца, что такое огонь, он не делал скидку на мой возраст, отвечал, что это процесс окисления, сопровождаемый выделением тепла, рассказывал, что такое звёзды. Он был человеком очень эрудированным. И я за ним тянулся.

Всё закладывается в детстве, и на это мы можем влиять, прививать вкус к определённой деятельности. Люди удивляются, почему их дети не любят читать или учиться. Но от осинки не родятся апельсинки. Если человек не любит хоккей, он не поведёт своего ребёнка на ледовую арену. Не любит гулять — не отведёт ребёнка на остров Татышев. И чему удивляться, если дети видят, что родителям интересно другое: с утра до вечера работать, потом пить пиво и смотреть телевизор, периодически драться с соседом.

Одна из моих главных задач — привить вкус к получению знаний. В последнее время часто слышу от детей: «Я знаю, как это работает!». Но когда прошу рассказать, ребёнок теряется и в лучшем случае говорит: «Эт самое, вот эта штука, короче, цепляется к этой, и они вот так — опа!..». Начинаешь разбираться, и оказывается, что в голове у него такая каша! Дети стремятся найти лёгкие ответы, пойти по лёгкому пути, а я их оттуда выбиваю и рассказываю, как на самом деле обстоит дело.

— Откуда желание пойти по лёгкому пути?

— Сейчас много источников информации, в первую очередь — Интернет. А там любой может генерировать контент: взял телефон, поснимал себя, выложил на ютуб — звезда. Ютуб может быть и отличным образовательным инструментом, но как всякий инструмент его нужно уметь использовать.

Даже если вы нашли прекрасный образовательный канал, где у роликов есть сценарий, ведущий говорит хорошо и понятно, проводит какие-то интересные, но безопасные и возможные в домашних условиях эксперименты, ребёнок в 90% случаев не станет их повторять. Потому что он их уже видел, значит, неинтересно. У нас в детстве не было Интернета. Нам было интересно всё. И если кто-то во дворе говорил: прикиньте, если наковырять серы со спичек в гильзу и потом поджечь, будет классный взрыв. Или карбидом

набить жестянку и поджечь. И как бы красочно тебе ни рассказывали, ты обязательно сделаешь это сам — потому что лучше один раз увидеть. А сегодня ребёнок, увидев ролик, говорит «знаю». Спрашиваешь, а почему это работает именно так? Э-э-э... Он прослушал информацию, она пролетела мимо, потому что он смотрел. У большинства людей преобладает именно визуальное восприятие информации. И даже если в ролике написаны формулы, не факт, что они запомнятся, потому что у многих встроенный адблок на восприятие такой информации.

— Так всё-таки Интернет — это полезный образовательный инструмент или нет?

— А молоток — полезен, если пытаться им распилить доску? Детей нужно учить критическому мышлению, учить ставить фильтры на информацию. Со мной сейчас ученики охотно делятся информацией, в том числе о любимых каналах, блогах и т.д. И иногда первое чувство у меня — отторжение. Но вспоминаю себя в их возрасте, вспоминаю, что у меня были увлечения, которые не принимали родители — та же рок-музыка, настольные или ролевые игры... И понимаю, что не делился этим с родителями, потому что им это было неинтересно. Когда я, например, говорю: да, я играл в эту компьютерную игру, она замечательная, они просто в восторге: о-о-о, Андрей Евгеньевич такой же живой человек, как и они.

Не стоит, кстати, недооценивать игры. Сегодня многие из них — обучающие. В частности, я использую в своей учебной программе игры про космос. Геймификация обучения — один из современных образовательных трендов, так проще увлечь детей. Ведь сейчас образованию приходится конкурировать с развлечениями. И образование должно стать ещё круче, ещё веселее.

— А как же «грызть гранит науки»? Разве обучение не должно быть через победы и преодоление трудностей?

— Многие современные игры — хардкорные, когда всё даётся довольно тяжело, и тем ценнее победа. И да — нужно зубрить сложные формулы, чтобы потом выйти на олимпиаду, и тебе бы сказали: «Да, ты крутой, ты реально лучше остальных школьников, которые приехали со всей России».

— Какие каналы или ролики ты рекомендуешь к просмотру?

— Очень хорошие ролики у московских университетов. Вообще, определить хороший ролик можно по нескольким параметрам:

- подача информации живая и яркая,
- упоминается, что эксперт может быть опасен, говорится о технике безопасности,
- подталкивает к дальнейшему самостоятельному обучению,
- есть отсылки к школьной программе и к классическим учёным.

Неплохо дают информацию на каналах «Море ясности» и «Невидимый розовый единорог». Как ни странно, «Фиксики» — отличный мульт, который многому детей учит. Иногда дети отвечают на мой вопрос «Откуда знаете?» — «Фиксиков» смотрели!

Но мне проще прочитать, читаю я быстрее, чем смотрю видео. И своим примером это показываю детям.

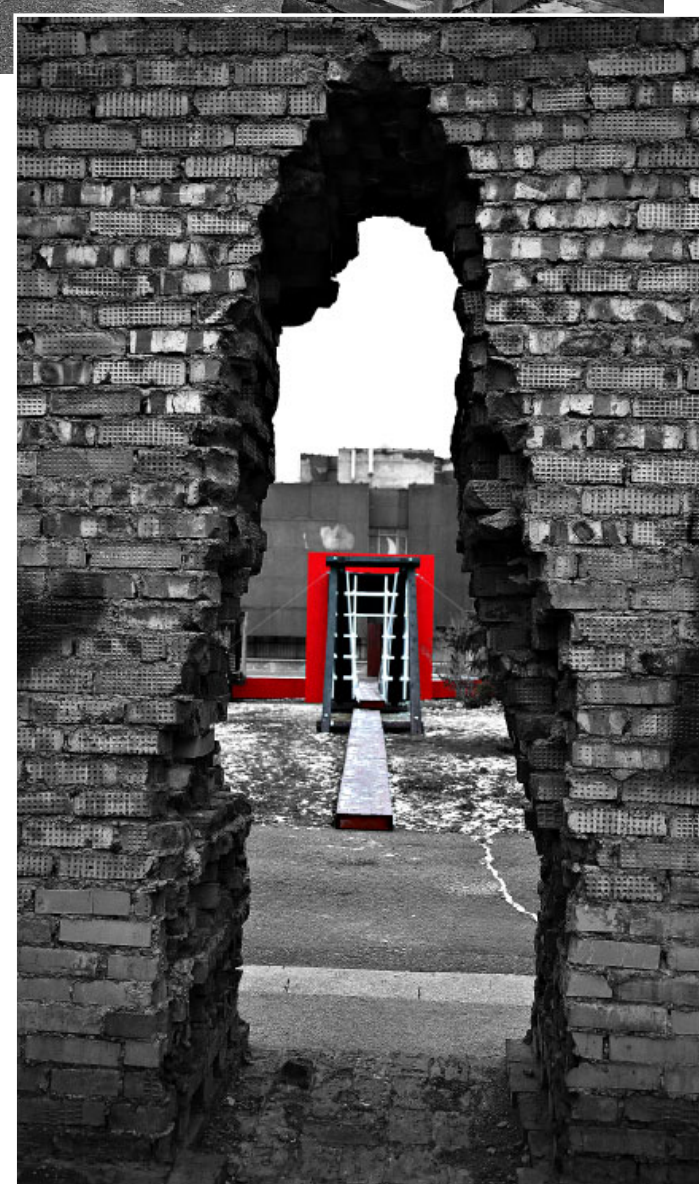

Ребёнок всегда берёт пример со взрослого. Читайте с ним, уделяйте ему больше времени. Некогда? Не жалуйтесь. Мозг гораздо быстрее развивается, читая и переваривая информацию. Посмотреть видео и сказать «Я знаю!» проще, но это иллюзия знания. Посмотрел ребёнок видео? Знает? Пусть перескажет вам. Разовьёт идею. Главное правило — с детьми нужно общаться.

— Почему дети тебя так любят, чем ты их берёшь?

— Я искренен с ними в той мере, насколько это возможно, учитывая, что они всё-таки дети. Делюсь воспоминаниями из своего детства, стараюсь быть деликатным. Даже если ребёнок не прав и настаивает на своём, надо очень мягко подвести его к самостоятельному обнаружению ошибки.

Идите, смотрите, выставляйте

*Совсем недавно
рядом с музеем «Площадь
Мира» появился новый
арт-объект «Городские
истории» — практически
самостоятельный музей
под открытым небом.*

На площади собрали (и намерены продолжить пополнение экспозиции) ряд артефактов, которые выражают символы эпохи. Скульптуры с задворок, старые таблички с названиями улиц, резные наличники, телефонная будка. Частью городской истории могут стать и личные вещи горожан — отражение своих хозяев: книги, журналы, этажерки и т.д.

Городские истории — это проект о диалоге с городом и его жителями. Здесь можно всё смотреть и трогать или провести свою инсталляцию, представление. Здесь есть дорожки и лавочки, а летом пространство

окружат газоны и зелень. Это интерактивная игровая площадка, где могут порезвиться дети, и отличное место, чтобы назначить свидание.

Городские истории вместили в себя рассказы красноярцев о настоящем и будущем, смешном и грустном, но, главное — каждый желающий может рассказать здесь и что-то своё. Чтобы поделиться историей, отправьте письмо на почту museumcentre@mail.ru.

Проект организован Музейным центром «Площадь Мира» совместно с конкурсом молодёжных проектов по формированию городской среды «ИСКРА-2017».